ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

28

МЮНХЕН 1983

СОДЕРЖАНИЕ

Христос воскресе! 1
В. Пирожкова. Человек и идеология 2
А. Федосеев. Андропов – Брежнев 8
В. Кобылин. Другой подход 13
Д. Штурман. "Человечества сон золотой..." 15
Е. Кармазин. Экономические заметки 32
Р. Гуардини. "Моисей и Илия" (окончание V главы) 36
Протоиерей Д. Константинов. Исповедание 37
И. Крылова. Ледянящее дыхание 39
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати 41
Письма в редакцию 47

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№28 Март 1983 МЮНХЕН

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Снова приближается великий светлый праздник Воскресения Христова. Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна, писал апостол Павел. Да, если Иисус Христос не воскрес, если мы все не воскреснем, то жизнь не имеет смысла.

В самом деле, какой смысл совершенствоваться, стремиться укрепить в себе доброе и искоренить то злое, что находишь в себе, если потом все безвозвратно исчезнет, и доброе, и злое. Бог и дьявол борются между собой, а поле их битвы – сердце человека, писал Достоевский. И если Бог одерживает в том или другом сердце победу, то потом этот человек с его сердцем, душою, в которых Бог одержал победу, исчезает? Уничтожается в небытии? Невозможно себе этого представить.

Можно возразить, что если человек перестает существовать и не воскресает, то все же его добрые дела не пропадают, они живут в истории, так же, как и злые. На суд истории! – восклицают многие. Нам представляется, что только очень молодые люди могут верить в этот самый суд истории. По мере того, как проходят годы и пережитое лично уже становится историей, видно все яснее, насколько мало история судит. Видно, насколько искажены исторические представления более позднего поколения. Да и толстые исторические книги, которые читают лишь немногие, содержат много неправильного и в том случае, если автор субъективно старается быть точным и объективным. Но разве под силу человеку или группе людей учесть все аспекты того, что произошло, и дать каждому из них точно правильное место в общем потоке истории? Мы уж не говорим об истинной оценке отдельных, действующих в истории личностей. В самом лучшем случае можно описать их дела, да и то основные, главные. А каковы были их побуждения, мотивы, причины, отчего они поступали так или иначе, – об этом, в конце концов, можно только делать предположения. Образы исторических деятелей застывают, принимают определенные формы и так живут в представлении потомков. Но кто может сказать, насколько эти образы соответствуют действительным личностям, которые когда-то жили и действовали?

Но если об исторических личностях остается еще какая-то память, то другие уходят бесследно. Бесследно ли? Некоторые говорят, что остается сумма добра и сумма зла, каждый человек при своей жизни прибавил что-либо к той или другой сумме, и вот это-то и остается в мире и оказывает действие дальше. Так что было небезразлично, что именно творил человек при своей жизни. Может быть, в этом есть даже доля истины, но утешительно ли для живой личности и даже правдоподобно ли это растворение определенной, своеобразной и единственной личности в безличном океане "мировой души" или как еще назвать то, в чем должны раствориться добрые и злые дела человека?

Восточные народы верят в это. Они верят еще в переселение душ. Душа для них не форма тела, как говорил Фома Аквинский. Душа может менять много тел, переходить из одного в другое – так, как мы меняем одежду, переходя из одного облачения в другое. Это называется продолжением жизни. Но какое же это продолжение жизни, если человек ничего не помнит о своей прежней жизни? В следующих жизнях человек, имея бедственную судьбу, якобы искупает грехи своей предыдущей жизни. Тогда как благополучная жизнь свидетельствует о праведной жизни в предыдущем теле. Какая унизительная мысль! Человек страдает и "искупает" то, о чем он ничего не знает, чего он не помнит, в чем он сам себе сознательно не может дать отчета. Он должен слепо верить в то, что он был когда-то великим грешником, и не желать улучшения своего состояния. Сам же он знает только одно: он живет сейчас если не великим праведником, то и не большим грешником, он не совершает ничего дурного. А тот другой человек, с другим телом, с другими поступками и другими мыслями, – разве это был он?

Нет, христианство совсем иначе понимает достоинство человека. Человек един с телом и душой. Он отвечает только за те поступки, которые он совершил как именно эта и никакая

другая личность, за поступки, которые он сам знает, сам помнит. Жизнь человека на земле одна. Она не повторяется. Именно в этой своей жизни он определяет свою вечную жизнь.

Земная жизнь тем самым приобретает большое, важное и страшное значение. Короткие годы быстротекущей нашей жизни определяют место каждого из нас по воскресении, телесном воскресении – есть только одно тело и одна душа для каждого человека. Какое высокое достоинство этой нашей жизни, которую мы, увы, так часто размениваем по мелочам, но и какая ответственность этой жизни!

И Суд будет производиться Тем, Кто знает все. Не по документам, не по субъективным рассказам и воспоминаниям современников, а из глубины, Тот, перед Кем ничто не может быть скрыто, Кто видит человека, каждого человека, в его истинной сущности, так, как его не может видеть ни другой человек, даже самый близкий, ни он сам себя.

Это Страшный Суд – да, но на нем исполнится справедливость, которой ведь мы все так жаждем, справедливость, но и милость. Судить же будет Воскресший Иисус Христос, Тот, Кто стал одним из нас, подобный нам во всем, кроме греха. Он знает о всех земных трудностях, искушениях и соблазнах, знает о человеческой слабости. Суд Его милостив, воскресение Его – залог нашего воскресения. Будем же радоваться: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!

Редакция.

В. ПИРОЖКОВА

ЧЕЛОВЕК И ИДЕОЛОГИЯ

Иногда приходится слышать, что важна внутренняя направленность человека, важно, идеалист ли он, стремится ли он к чему-то в его глазах лучшему, или же он – простой обыватель, материалист не в философском, а в обычном смысле, человек, гоняющийся только за своей выгодой. Уважать надо, говорили мне многие, всякого человека, имеющего идеал и стремящегося к нему. В чем этот идеал заключается, не столь важно. Важна лишь субъективная психика человека, но неважно, какую объективную цель он перед собой поставил, каким идеям или какой идеологии служит; только бы сам он служил ей бескорыстно, не из выгоды, а из веры и убеждения.

Мы думаем, что такое мнение весьма ошибочно. Нет сомнения, психология человека может иногда перекрывать ту идею, которой он служит. К сожалению, мы считаем, что это ярче высказывается в отрицательном, чем в положительном аспекте. Р. Гуль в своем романе "Дзержинский" сообщает такую деталь из жизни великого палача: незрелым юношей Дзержинский мечтал стать католическим священником, причем знакомый семье Дзержинских священник всячески отговаривал его от этого намерения, считая, что молодой Феликс для священника не подходит. Так или иначе, но в этот период своей жизни Феликс пытался **заставить** своих младших братьев и сестер ежедневно молиться. Перекинувшись в ярый атеизм, Дзержинский старался **заставить** своих младших братьев и сестер вообще не молиться. Идея, цель, к которым Дзержинский стремился, переменились на 180°, но психология насилия осталась той же самой. Для христианства эта психология не годилась, в этом был священник, видимо, хорошо знавший юношу Феликса, прав. Для насаждения коммунизма эта психология весьма пригодилась.

Однако всем известно, что люди с аналогичной психологией в течение тысячелетий христианства на Земле попадали не только в священники, но становились и высшими иерархами. И если им не удавалось изменить своей психики под влиянием Господа, Которому они пытались служить, то их психика перекрывала то высокое, чему они хотели служить. Возникало страшное искажение. Если даже в христианство не просвещенная божественным светом психика может внести такие искажения, то тем более такой психикой может быть искажена любая идея. Христианство – не идея, но об этом мы еще будем говорить.

А как обстоит дело с обратной возможностью? Изменяет, облагораживает ли человек с возвышенными устремлениями, человек добрый и желающий счастья другим, ту идею, которой он служит?

Но сначала спросим себя, есть ли разница между идеей и идеологией. Ведь мы озаглавили статью "Человек и идеология". Не будем в этом аспекте анализировать идеи Платона, будем называть идеей то, что рождается в человеческом сознании. В этом аспекте христианство, конечно, не идея. А. Опульский анализирует в "Новом Журнале" №148 пересказ, сделанный А. Герценом, "Жития св. Феодоры". Он сравнивает источник, т.е. "Житие", с "Легендой" А. Герцена и, указывая на немудреный, простой рассказ автора "Жития", добавляет: "Такой манерой письма агиограф как бы говорит своим будущим читателям: чтобы Вы уверовали в величие христианской идеи, не нужно рассказывать с какими-то "ухищрениями художественности", не нужно приукра-

шений, не нужно занимательности, ибо факты говорят сами за себя; убедитесь в этом – ведь я излагаю только факты" (стр. 100). К сожалению, мы должны возразить А. Опульскому: агиограф вряд ли даже помышлял о "христианской идее"; он хотел, чтобы уверовали в Бога Живого, а не в какую-то абстрактную идею. И его описание жития святой имело в виду прославление Господа Бога, а не отвлеченной идеи. Вот в этом-то все и дело. А. Герцен, несмотря на всю эрудицию, о которой пишет А. Опульский, так за всю свою жизнь и не понял, что христианство – эта не одна из идей, родившихся в головах людей. Он постоянно ставил в один ряд первых христиан и революционеров, думая, что те и другие отдавали жизнь за идею. Но обе идеи оказались, мол, неосуществимыми, "мы пришли позже их и увидели". Отсюда у Герцена разлагающий скепсис, пессимизм, полное разочарование во всем. Герцен так и не сумел понять, что Бог не идея, а Живая Реальность, так же как и Сын Божий Иисус Христос. И христианство не идея, а жизнь, стремление следовать за Христом, причем "следование" это так же многообразно и индивидуально, как и многообразие отдельных личностей, оно не укладывается в схему отвлеченных идей, оно и не зависит от того столетия, в котором христианин живет, так что слова Герцена о "пришедших позже" для христиан не имеют никакого значения.

Но вернемся к идеям, являющимся творением людей. Есть ли разница между идеями и идеологиями? Об этом можно спорить, и многое зависит от того, какая принята терминология. Ф. А. Степун говорил об идеях, как о чем-то живом, как о семенах, дающих всходы и имеющих способность расти и развиваться. Понятно, что семена могут быть разные. Есть семена, из которых произрастают ядовитые растения, и есть семена, из которых произрастают злаки, дающие всем нам хлеб, нашу основную пищу. Идеологией же он называл застывшие, закостеневшие идеи. Из этого следовало, что семена всегда плодотворны, хотя их плоды могут быть и ядовитыми, а идеологии уже бесплодны, мертвы и неспособны к дальнейшему развитию, а потому удушают все живое. Согласно этому пониманию, среди живых идей могут быть плодотворные и ядовитые, но они живут, тогда как идеология – это уже умершие, окостеневшие идеи.

Если остаться при этой терминологии, то надо, по меньшей мере, быть очень осторожным в решении, когда идея превратилась уже в идеологию и когда она еще живая идея. Кроме того, надо ввести свое собственное определение, что именно идея, а что идеология, а не принимать этих наименований от их собственных приверженцев. Так, советские марксисты называют свое учение и соответствующую ему практику сами идеологией, правда, "научной идеологией". Поверить им, что их марксизм – идеология и потому уже мертв? Так думали и думают еще многие. Страшная окостенелость советской жизни, которой руководят тоже уже почти окостеневшие старики, – никогда еще новый вождь в Сов. Союзе не приходил к власти в таком старом возрасте, как теперь Андропов, – объясняется нередко тем, что идеология сама по себе уже мертва. Но нельзя закрывать глаза на то, что она непрерывно дает почкования в другие страны, захватывает другие народы, причем не только силой оружия.

Поэтому мы не будем так резко различать между идеей и идеологией и попробуем проанализировать, хотя, конечно, в рамках одной статьи неполно, соотношение между, с одной стороны, человеком, а с другой – идеей или идеологией.

Мы уже установили, что известная, сильно выраженная, психика человека может противостоять идее и в рамках любой идеи дать одинаковые результаты. Так, например, по нашим наблюдениям, немалое число оппозиционеров, выехавших из СССР, переменив идеи, очень мало переменили свою психику. В новые идеи они вносят привычки поведения и отношения к людям, которые они приобрели за свою жизнь в СССР, под давлением марксистской идеологии и под влиянием всех сложившихся под властью этой идеологии и этого режима условий. Особенно больно бывает, если эти люди стали верующими, большей частью верующими христианами, притом, вероятно, субъективно совершенно искренне. Но приняли эту веру как новую идею, которой пытаются служить, даже не попробовав "совлечь с себя ветхого человека", причем "ветхий человек" – это в данном случае советский человек. Они даже не заметили, что начинать надо не с преобразования мира, а с преобразования самого себя.

Но мы хотели рассмотреть обратный случай: что происходит с человеком, отдавшимся бескорыстно, самоотверженно и великодушно делу создания счастья людского на основании какой-нибудь утопии, которая ему субъективно кажется прекрасной. В автобиографии Н. Бердяева "Самопознание" самым потрясающим местом для меня было свидетельство Бердяева, как на его глазах менялись люди. Он сам был этим особенно потрясен, и в том, как он об этом пишет, чувствуется это потрясение и передается читателю. Один характерный случай такого изменения он описывает более подробно. Они знали до революции революционера-интеллигента, идеалиста с аскетическим лицом и горящими глазами. Его не раз арестовывали, и не раз друзья, в том числе и Бердяевы, скрывали его от царской полиции.

Хотя Бердяев тогда уже отошел от марксизма и не мечтал больше о революции, но среди интеллигенции считалось чем-то само собой разумеющимся скрывать революционеров. Это был "долг чести" между членами интеллигентского "ордена", независимо от различия политических воззрений. После революции, до высылки Бердяева за границу, семья Бердяевых находилась в чрезвычайно тяжелом положении, а бывший революционер-идеалист стал крупным функционером. Родственница Бердяева, которая до революции особенно много помогала тогдашнему революционеру, пошла к нему с просьбой помочь им. Ей удалось до него добиться, но она его не сразу узнала. Перед ней сидел полный человек с заплывшими жиром глазами и холодным взглядом. От аскетизма, от революционного вдохновения не осталось и следа. Совершенно безучастно он отклонил все ее просьбы. В весьма короткое время он превратился из революционера в функционера.

Но, может быть, Бердяевы в нем просто ошибались, может быть, он с самого начала хотел власти только для себя, хотел, как и молодой Дзержинский, лишь иметь возможность приказывать. Однако были же и другие, настоящие идеалисты. Да, были... Судьба их известна. Они не повлияли на режим, они стали сами его жертвами. Тем не менее, нужно отметить, что и идеалисты большей частью не гнушались кровью. В книге И. Солоневича "Россия в концлагере" описывается его ночной разговор с одним из начальников лагеря, Солоневич был тогда заключенным. Этот коммунист-начальник скоро будет сменен, он это знает, знает он также, что он, вероятно, не только просто попадет в служебную опалу, но и туда, где находится этот заключенный, с которым он сейчас разговаривает. Если бы не эти перспективы, он бы вряд ли "опустился" до откровенного разговора с заключенным. И он горько жалуется, что отдал революции все. С горечью он указывает заключенному, что у того есть семья, есть сын (забывая добавить, что 18-летний сын сидит в том же лагере, а семья разрушена), он же, коммунист, отказался от семьи, отказался от всего личного... и какой конец? Эта ночная беседа производит большое впечатление (разоткровенничавшийся начальник, в самом деле, был скоро убран, дальнейшая его судьба автору книги не была известна), но не надо забывать, что этот коммунист пожертвовал не только своей личной жизнью, – он пожертвовал жизнью многих, многих других людей. Каждый имеет право жертвовать собой, но никто не имеет права жертвовать другими.

Между тем фанатики идеи редко останавливаются перед жертвами, которые они приносят своим божествам в виде гекатомб трупов тех, кто сопротивляется им или хотя бы только не высказывает согласия с их идеей.

Мы уже писали, указывая на Дзержинского, что любая идея может в человеке, склонном к фанатизму, вызывать тенденцию принудить других к принятию его идеи, тенденцию принуждения, которая в конечном итоге порождает такие страшные результаты, как у Дзержинского. Мы не ошиблись, написав об идеях, которым отдавался Дзержинский. Для него христианство было, конечно, лишь идеей. Он его не понял. И невольно встает вопрос, насколько виноваты его воспитатели, родители и тот же священник, который отговаривал его от желания стать священником, в том, что он христианства не понял. Может быть, они виноваты, а может быть, и нет. Герцен пишет, что священник, подготовлявший его к экзамену экстерном для вступления в университет, удивлялся тому, "как Господь открыл ум и не открыл сердца", т. е. он удивлялся интеллектуальным знаниям молодого Герцена, его эрудиции в богословии и одновременно его полному непониманию истинной сущности Евангелия. Герцен его тоже воспринимал как одну из идей. Нужно думать, что священник старался "открыть ему сердце", но ему не удалось. И Карл Маркс получил самую высокую отметку за выпускное сочинение по Закону Божию, и в самом деле, сочинение показывает точное знание Евангелия, но, видимо, тоже только умом, а не сердцем. Интересно, что английский католический писатель Евелин Вог выводит в одном из своих романов человека, который готов научиться христианству у католического священника (этот человек формально протестант, но христианства вообще не знает), т. к. такое условие поставили ему родители девушки, в которую он влюбился. Священник пытается некоторое время дать ему понятие о христианстве, но потом видит, что все его попытки тщетны. Интересно его замечание: "Он никогда не поймет христианства, он – не реалист". Так широко распространено непонимание христианства даже среди христиан, что многие удивятся и спросят: "При чем тут реализм?" Но на самом деле, Бог может быть определен как высшая Реальность. И тот, кто неспособен к реалистическому, трезвому взгляду на мир, лишь с трудом может стать верующим, в частности, христианином. Герцен был в молодости неисправимым романтиком, который не мог понять реальности христианства, а потом он стал, как и многие разочаровавшиеся романтики, пессимистом, отчаявшимся во всем мире.

"Я не только смотрел на вид, но и на монаха, и на него-то именно я смотрел с глубокой завистью, – пожил бы в этом торжественном одиночестве, но монастырь для нас закрыт, это чужой отдых, покой от другого бремени, от-

вет на другие стремления. Куда в самом деле денется человек усталый, сломленный или просто неосторожно заглянувший за кулисы и понявший оптический обман... Для страждущих духом современное общество приготовило только сумасшедший дом.

Психология христианства была глубже и гуманнее, – она пожалела уставших" ("Письма из Франции и Италии", соч. в 7 томах, 1906 г., т. 6, стр. 362).

Когда Герцен это писал, он и не подозревал, в каком ужасном смысле он оказался пророком относительно сумасшедших домов для страждущих духом или сомневающихся в... советском режиме! Но он опять-таки ничего не понимал, думая, что монах – это человек сломленный и усталый.

Но вернемся к нашим революционерам. Никакой личный идеализм тех или других поклонников порочной идеи не смог до сих пор изменить эту идею. Но, скажут некоторые, есть ли вообще порочные идеи? Разве не проводят их в жизнь сами люди? Не могут ли они изменить то, что оказалось невыполнимым, стеснительным или даже жестоким по отношению к людям? В этом же номере нашего журнала мы печатаем статью Доры Штурман об утопиях прошлого. Мы видим, что все эти утописты предусматривали жестокие наказания для тех, кто будет сопротивляться новому порядку. Бакунин, отрицавший в своем обществе (после революции!) всякое насилие, считал, что преступник должен сам согласиться на налагаемое на него наказание. Если же он не согласится, то он исключается из общества, становится полным изгоем. Так как Бакунин стремился к мировому обществу, то по его плану не должно было оставаться таких "несовершенных" обществ, которые, наказав преступника без его на то согласия, оставляли бы его внутри общества (по отбытии наказания). Несогласный на наложенное на него наказание преступник обрекался, стало быть, на мучительную медленную смерть, т. к. прожить Робинзоном в нашем технизированном обществе он вряд ли бы мог. Что это за нестерпимое лицемерие – говорить о "добровольности" и "отсутствии насилия", если альтернатива – лишь медленная мучительная смерть! Все эти преобразователи и "апостолы свободы" хотели наложить руку на душу человека, они не просто намеревались наказать того, кого считали преступником, но они хотели, чтобы он сломил себя душевно, склонился перед теми, кто его карает. Так ведь это и было в страшных показательных процессах 30-х гг.! Все это предусмотрено не только коммунистами, но и такими анархистами, как Бакунин. Бакунин не без основания обвинял Маркса в диктаторских замашках, себя же считал исключительно свободолюбивым анархистом, но и он требовал по существу того же, что потом исполнили советские марксисты.

В конце концов, это не что иное, как постоянное присваивание себе прерогатив Бога. Только Бог может требовать раскаяния и смирения перед Ним душой. Бакунин именно потому и отрицал так яростно Бога, что, по его мнению, "если есть Бог, то человек несвободен". Но и он тут же подменяет Бога анонимным большинством. Ведь в анархическом обществе Бакунина не должно было быть никаких юридических норм, стало быть, вину определяли и наказание накладывали все те же "свободные граждане", т. е. большинство, совершенно произвольно, по своему усмотрению. А так как "человек – не клавиша рояля" и слишком многим хочется "по своей глупой воле пожить", как пишет Достоевский в "Записках из подполья", то в лучшем для человечества случае утопия Бакунина привела бы к постепенному созданию нового, более нормального общества из изгоев (которые все больше состояли бы из политических "преступников"), а затем к обычному состоянию человечества: борьбы между собою.

Отрицавший Бога во имя свободы человека, Бакунин с неизбежной логикой скатился к подчинению свободы человека большинству. Но не надо думать, что он просто не понял, не продумал последствий и что лично он был благороден и любил людей. Бакунин составил вместе с Нечаевым "Катехизис революционера", мало известный широкой публике. Отметим вкратце историю этого "Катехизиса". Нечаев вернулся в Россию (он посещал эмигранта Бакунина за границей) с этим документом и начал организовывать революционные пятерки. Через некоторое время полиция в Петербурге нашла убитого студента Иванова. Вначале предполагалось, что дело идет об обычном уголовном преступлении. Но потом было обнаружено, что убитый был членом такой пятерки, но хотел ее покинуть. Ему сказали, чтобы он сдал печатную машину пятерки, которую он где-то спрятал. При передаче машины он был убит, т. к. революционеры не могли допустить, чтобы остался в живых кто-либо, знающий их тайны. В 1869 г. по делу Нечаева было арестовано 130 человек. На суде (в 1871 г.) был прочитан и "Катехизис революционера". Он вызвал большое возмущение даже у некоторых революционеров. Но царское правительство не умело делать для себя пропаганды. Захваченные экземпляры остались лежать в архиве.

В этом "Катехизисе" провозглашается лозунг: "Все морально, что служит революции". Советы, которые даются революционерам, страшны, но именно им следовали и следуют до сего дня большевики. Так, советуется убивать добрых и умных правителей, но ща-

дить глупых и злых, т.к. первые задержат революцию, а вторые ее ускорят. Неизвестно только, как следует поступать со злыми и умными. Но в России были убиты именно великий император-реформатор Александр II и Петр Столыпин, которому, весьма возможно, удалось бы предотвратить революцию.

В этом страшном "Катехизисе" рекомендуется революционерам изучать все возможности обмана и притворства, чтобы с их помощью пробраться всюду, во все круги, включая и царский дворец. Рекомендуется шантажировать и заниматься вымогательством, выпытав у высокопоставленных лиц их тайны. В нем говорится, что революционер не смеет никого любить, ни перед кем и ни перед чем он не должен удерживать руки. У него не должно быть эмоций, но им должна владеть холодная страсть революции, страсть абсолютного разрушения. Даже и к своим товарищам революционер не должен испытывать человеческих чувств. Они для него – лишь материал революции, который надо использовать как можно рациональнее.

Можно ли себе представить, что люди, приученные к полной бессердечности, после совершения революции вдруг превратятся в прекрасных граждан нового общества? Или, быть может, они и будут по-своему прекрасными гражданами этого самого нового общества, безжалостными, распоряжающимися людьми, как вещами. Ведь ни к чему другому их не приучили.

Между прочим, маленькая деталь: Нечаеву тогда удалось бежать за границу. Он явился к Бакунину, который его принял. Живя у Бакунина, Нечаев выкрал его личные письма и продал любителям; Бакунин был тогда уже интернационально известным анархистом. На горькие жалобы Бакунина Нечаев ответил: "Все морально, что служит революции"; он, Нечаев, доставал деньги для революции. В этом последнем Нечаев не лгал, он вернулся в Россию и продолжал свою революционную деятельность. Но Бакунин не соглашался с аргументами Нечаева. Это у всех революционеров одинаково: они отрицают применение пропагандируемых ими же правил поведения по отношению к себе самим.

Добавим известную большинству русских вещь, что Достоевский использовал в своем романе "Бесы" историю с убитым студентом Ивановым при передаче тайной типографии. По этой схеме составлено убийство Шатова. Это, конечно, не значит, что взгляды, характер или семейные отношения Шатова были похожи на таковые Иванова. Но самый факт Достоевский использовал.

Мы видим, что человек, служащий определенной идее, в которую входят и методы ее достижения, не может быть "любым" человеком. Он или с самого начала подходит к данной идее, или должен к ней приспособиться. Иначе она его перемелет. В своей книге "Мертвые хватают живых" Дора Штурман пишет: "Ведь людей привлекают к той или иной доктрине не столько их убеждения, сколько психологическое тяготение и темперамент" (стр. 79). Если это правильно, то первоначально поставленный вопрос решается сам собой: страшная для общества идея, идеология, доктрина привлекает подходящих людей. Неверно утверждение, что идея безразлична, важна лишь направленность человека, который ей служит. Идея и человек соответствуют друг другу. Дурной идее не будут служить хорошие люди. Но это было бы все же слишком простым решением. И Д. Штурман не утверждает, что убеждения **совсем** не играют роли. Нам же представляется, что теоретические убеждения играют тем большую роль, чем меньше человек наделен живым воображением. Вот теперь в Западной Европе можно наблюдать молодых людей, неспособных представить себе того, что произошло бы на деле, если бы исполнились их идеи. Эта послевоенная молодежь ничего сама не испытала. Особенно в Зап. Германии она, в большинстве своем, существует весьма благополучно. И так ясно видно, что те, которые говорят о том, что нужно все перевернуть, все изменить, не имеют ни малейшего представления о том, что включается в это "все". Они не представляют себе, что люди, и они сами в том числе, могут оказаться разутыми и раздетыми, голодными и холодными, что им заткнут рот, и невозможно им будет дерзко выкрикивать повсюду свои убеждения, как они это делают теперь. Все должно быть изменено, но их благополучная жизнь ни в коем случае от этого пострадать не может. С ними разговариваешь как во сне, их понятия настолько абстрагированы от реальной, конкретной жизни, что нет никаких точек соприкосновения. И даже если указываешь марксистам среди них, что их же Маркс считал теорию и практику не только связанными между собой, но в своих ранних произведениях он просто ставил знак равенства между теорией и практикой, они смотрят непонимающими глазами и заявляют, что хотят говорить о теории. И у многих это – не тактика, а самое настоящее, искреннее непонимание.

Но даже если они идеалисты и хотят искренне счастья людей, они не могут изменить того, что заложено в самой утопии, в идеологии, которая исходит из ложного представления о человеке и хочет принудить людей построить общество, противоречащее самой природе человека. В рамках этой статьи мы не можем исследовать, почему та или иная идеология, в частности марксизм-ленинизм, противоречит природе человека. Об этом мы еще будем го-

ворить. Наша задача спросить, как связана психологическая направленность человека с идеологией, которой он привержен, и действительно ли безразлично, какой идеологии человек служит.

Если идеология исходит из ложного представления о человеке и тем самым из ложных предпосылок в своем представлении об идеальном обществе, результаты попытки такое общество построить всегда будут плачевными для конкретных живых людей, которых постараются засунуть в рамки такого общества.

Искренний и честный приверженец этой идеологии может принести больше вреда, чем тот, кто приспосабливается "к духу времени". Лично можно больше уважать честно заблуждающегося, чем оппортуниста, но объективно честно заблуждающийся приносит людям больше вреда, т. к. гораздо скорее может зажечь, убедить, повлечь за собой других. Во время проведения самого "эксперимента" с обществом и людьми честно убежденный нередко становится фанатиком, беспощадным, не оставляющим людям, попавшим в круг его власти, никакой лазейки. Тогда как оппортунист спокойно закроет глаза на то или иное преступление, если он не будет опасаться, что такое попустительство будет опасным для него самого. То, что я пишу, – это не оправдание оппортунизма, но мне уже приходилось не раз писать о том, как извращенные идеологии и тоталитарные режимы переворачивают нормальные гражданские добродетели, так что то, что в нормальных условиях хорошо и приносит хорошие результаты, внутри этих идеологий и режимов может повести к совсем другим последствиям.

Помнится, ряд лет тому назад левые в Зап. Германии подняли кампанию против "коммерческих спасателей", т. е. против тех, которые за деньги перебрасывали людей из Восточной Германии в Западную. И тогда это подхватили многие совсем не левые. Как-то в обществе моих немецких знакомых начали возмущаться тем, что помогают **за деньги**. Я на это возразила: "А вы помогите без денег". Наступило смущенное молчание. Героев, готовых бескорыстно рисковать собой ради других, очень мало, но для многих являлись и являются такие спасители за деньги последней надеждой. Я напомнила, что только благодаря таким "коммерческим спасателям" удалось бежать из Южной Франции после ее оккупации германской армией в США чудеснейшему австрийскому писателю Францу Верфелю, еврею. Он, к сожалению, жил потом недолго, но успел написать одну из своих лучших книг "Песнь о Бернадетте", о св. Бернадетте из Лурда, лучшую книгу, которая вообще о ней существует. Эта книга написана евреем, правда, склонявшимся к христианству. Но ведь проблема спасителей ни в чем не повинных людей возникает только в идеологизированных, извращенных обществах!

В своей книге "Мертвые хватают живых" Дора Штурман дает портреты трех вождей революции, Ленина, Бухарина и Троцкого. Все они одержимы волей к власти, но ведь по-своему они верили в свою идеологию. Очень наглядно рисует автор последние дни Ленина, когда его последователи и соратники отпадают от него, отдавая больного Ленина в руки Сталина. Никто из них не любил Ленина как человека, – он был нужен только для завоевания власти. Больной и слабый, он стал им больше не нужен. Они начали группироваться вокруг предполагаемого победителя, Сталина. Но значит ли это, что они не верили в свою идеологию? Если б они хотели власти только для себя и притворялись, что верят в идеологию, то никого бы не убедили, а они убеждали многих...

Уже в вождях революции выразилось то, что стало законом для осуществленного марксизма-ленинизма на нашей несчастной родине. Жажда власти, фанатизм или просто жестокая готовность перешагивать через трупы слилась с материалистической идеологией, которая не признает человека личностью, для которой человек лишь функция общества. Это осталось так и до сих пор. Большая ошибка считать, что вожди сами не верят в марксизм. Конечно, они не верят в марксизм как в какой-то рай для людей. Если вначале вожди хоть немного верили, что несут счастье хотя бы тому же самому пролетариату, то в ходе воплощения их идей эта вера быстро испарилась.

"Ленин 1918 г., сентиментально обслюнявленный советскими кинематографистами, буквально засыпает Россию декретами, которые, будь они педантично выполнены, уничтожили бы чуть не все население" (Д. Штурман, "Мертвые хватают живых", стр. 103). Вот в этом-то и единственное счастье, что не все педантично выполнялось, – мне уже тоже приходилось об этом писать (см. мою статью "Человек в тоталитарном государстве", "Новый Журнал", №87).

Слияние идеологии, перечеркивающей человеческую личность, ее ценность как таковую, вне всяких убеждений, идей и идеологий, которым бы эта личность была или не была привержена, с жаждой власти произошло очень рано, по крайней мере, у вождей. Они не то что верят в эту идеологию, – **они в ней живут**. И ничего другого у них нет. Поэтому мы и считаем фантастическим предположение А. Федосеева в статье, печатающейся в этом же номере журнала, о том, что вожди начнут сами разбирать на части социализм. Вожди Советского Союза и марксистский социализм тесно связаны друг с другом, больше того, они слиты воедино. Их нельзя разделить, – их можно только свергнуть.

Печатается в порядке дискуссии.

А. ФЕДОСЕЕВ

АНДРОПОВ — БРЕЖНЕВ

Для социализма смена "Великого вождя" всегда крайне нежелательна и представляет собой большую ломку. В эти периоды, иногда неожиданно для неосведомленной публики, обнаруживаются недостатки прежнего правления, на которое можно списать самые вопиющие в данный момент дефекты самого социализма и тем замаскировать его черную сущность. Делать это списывание, конечно, нужно крайне осторожно. Как ни обеляй социализм за счет даже очень осторожного очернения предыдущего вождя, он тоже пачкается, да и вера в "белизну" следующего "Великого вождя" от этого не усиливается, а ослабляется. Ослабляется ко вреду социализма же.

Существенно, что, в конечном итоге, приходится и "очерненного" ранее вождя несколько реабилитировать, если не словами, то делами. И Сталин "побелел", да и Хрущев (без упоминания имени) тоже, оказывается, работал на социализм неплохо, если его политика живет и посейчас.

Социализм вождей кормит и поит. Без социализма власть вождей превратилась бы в дым. А если все "Великие вожди" окажутся после смерти "черными", то как же социализм может остаться "белым"? Поэтому с памятью "Великих вождей" надо быть тоже очень осторожными. Как было бы хорошо, если бы первый же "Великий вождь" был бессмертным! Невольно подумаешь, а не следует ли создать "Великого вождя" – куклу, робота?

Беда со смертным "Великим вождем" в том, что социализм есть единовластие, т. е. такая система государственной власти, в которой все совершается по единым социалистическим правилам, а не просто по единым или просто по социалистическим правилам. Это значит, что нельзя иметь высокой организации социализма, если страна управляется по социалистическим правилам одновременно и Троцкого, и Бухарина, и Сталина. Это будет не управление, а хаос. Помните? Великий социалист Бухарин хотел "мужика" сначала обогатить, а потом уж грабить. А другой Великий социалист, Троцкий, хотел "мужика" грабить сейчас же, чтобы за его счет индустриализировать страну. И та, и другая идеи – вполне социалистические, но прямо противоположные. Поэтому, к счастью для социализма, Сталин ликвидировал и Бухарина, и Троцкого, и всех других, создав свое, сталинское, единовластие социализма. Теперь, конечно, социализм не только построен (в основном, Сталиным: надо отдать ему должное), но он уже вполне зрелый. И это отнюдь не сарказм, а реальный факт.

Однако законченность и зрелость не означают прочности и устойчивости. Прочность и устойчивость есть свойства общественных систем, которые, пусть в разной степени, но полезны всем и каждому гражданину в отдельности. Действие и существование таких систем обеспечиваются самими миллионами граждан, так как это в их личных интересах. В таких системах нет необходимости в жестком управлении. Управление может сводиться лишь к обеспечению правил общежития. Естественные же миллионы противоречий миллионов личных интересов уравновешиваются в миллионах компромиссных внутриобщественных взаимодействий без необходимости существенного вмешательства государственной власти для поддержания общественного равновесия. Характеристикой такой системы является отсутствие чрезмерных концентраций политической, социальной, финансовой или экономической власти над людьми: то ли в государственном аппарате, то ли в монополиях и всяких других гигантских организациях. Хотя в такой уравновешенной системе никому нет необходимости заботиться о так называемых "интересах общества" или "интересах государства", однако такая общественная система развивается и движется с помощью миллионов взаимодействий граждан в сторону, полезную для граждан и, следовательно, для общества и государства. В такой системе, например, "вопросы" национальности или меньшинств не возникают. Человек любой национальности или меньшинства живет в рамках правил общежития так, как ему хочется. Личный интерес гражданина ограничен лишь взаимодействием со множеством равноправных личных интересов других граждан. Такую систему можно назвать сбалансированной демократией и системой максимальной творческой свободы и максимального творческого уровня, т. е. системой всеобщего духовного и материального процветания.

Чем дальше любая общественная система от сбалансированной демократии, тем больше в ней выпячиваются "интересы общества", "интересы государства" (фактически, интересы управителей) и тем в большей степени нужна государственная власть для ее существования. Недостаток внутреннего баланса компенсируется силой государственной власти.

Социализм представляет собой общественную систему, в которой внутренний баланс отсутствует полностью, и его приходится заменять колоссальной государственной властью, диктующей гражданам их каждый шаг в тщетных попытках создать утраченное равновесие искусственными средствами. Социализм – это система, в которой все должно служить якобы государственным интересам с помощью жесточайшего подавления личных интересов граждан и их творческой свободы. Творческий потенциал социализма поэтому предельно низок. Будучи построен на костях многих десятков миллионов, социализм все время требует чрезвычайных мер для поддержания его существования. Искусственный, насильственный баланс все время нарушается и грозит социализму разрушением.

Единовластие является предельно необходимым для существования социализма. Нужно быстро и четко ликвидировать малейшие нарушения искусственного баланса прежде, чем они смогут превратиться в разрушительные. Поэтому при смене одного "Великого вождя" другим сначала происходит жестокая тайная и явная борьба за власть, а затем весьма существенная "перетряска" аппарата управления с целью обеспечения его полного подчинения новой единой воле. В новом аппарате, как и в старом, недопустимы не только горячие головы – неопытная молодежь, – но и люди, неспособные забыть директивы старой единой воли и следовать директивам новой единой воли. Иначе, без твердой единой воли, под напором разрушительной силы миллионов личных интересов граждан с таким трудом и жертвами созданный социализм может рухнуть.

Это вовсе не означает, что новая единая воля резко отличается от старой. Отнюдь нет. Дело лишь в нюансах, но и они имеют большое значение для жизни искусственной системы.

Такие люди, как великие социалисты Бухарин и Троцкий, или стали бы слонами-разрушителями в "посудной лавке" социализма, или были бы вынуждены, как и все другие вожди, стать пленниками построенного социализма и дрожать от страха нововведений, вроде бы необходимых, но грозящих подорвать неустойчивый баланс.

Поэтому смена "Великих вождей" – очень болезненный процесс, требующий времени. Посмотрите, сколько уже лет это занимает в Китае или заняло у Хрущева и Брежнева.

Даже на Западе обратили внимание, что на этот раз смена "Великих вождей" произошла гладко и быстро. Спрашивается, почему? Прежде всего потому, что, как я уже говорил выше, здание социализма уже построено и борьба "архитектурных" идей ненужна и недопустима. Однако есть и другая важная причина. Место "Великого вождя" перестало быть очень завидным. Социализм трещит по всем швам. Претенденты в "Великие вожди" опасаются за социализм, за свою совместную власть и за свою жизнь. Если нашелся достаточно активный и достаточно зрелый претендент в "Великие вожди", который, возможно, знает, что нужно делать, разумнее дать ему дорогу и даже всемерно поддержать. Можно было бы избрать вождя-пешку, скажем, типа Гришина, если бы члены Политбюро знали, что делать дальше. Поскольку власти-то они хотят, а как поступать с ней не знают, то приходится выбирать "спасителя" – Андропова. Если бы место "Великого вождя" было таким завидным, как раньше, то произошла бы самая драматическая и жестокая борьба за власть.

Нынешняя ситуация в СССР

Что же это за ситуация в СССР, которая делает место "Великого вождя" настолько малозавидным (вероятно, настолько опасным), что претенденты, конечно, дерутся, но не перегрызают горло друг другу, как раньше?

1. В Ливане СССР (Сирия и палестинские террористы) потерял 95 самолетов МИГ-23 и МИГ-25, 600 лучших танков, включая самые современные Т-62 и Т-72, 19 современных ракетных установок, не нанеся врагу почти никакого урона.

Ирак жалуется, что военная помощь СССР не эффективна.

Социалистическая власть в Никарагуа жалуется на недостаточную помощь СССР и Кубы.

Социалистическая Куба тоже что-то "присмирела". Как видно, перестает себя чувствовать за спиной сильного и щедрого покровителя.

СССР начинает терять положение самого крупного экспортера оружия.

Советское оружие, даже самое современное, теряет свою конкурентоспособность. Это означает потерю весьма крупного источника так необходимой твердой валюты.

Конечно, военная мощь СССР еще колоссальна. Однако можно заметить, что центр тяжести воздействия СССР на Запад начал перемещаться с прямого военного шантажа на финансирование и поддержку массовых "движений за мир", массовых движений в "третьем мире" за социализм, международного терроризма, проводимых, в основном, через сателлитов. Это, кстати, позволяет в известной мере сохранять невинное лицо. Все больше СССР начинает также полагаться на своих друзей еще со времен до 1917 года – "Благодетелей".

2. Система социализма в точности эквивалентна военной, армейской системе, но распространенной не только на военные задачи, но и на гражданскую жизнь. Именно поэтому

война (за социализм во всем мире) и военная машина являются главной характеристикой социализма и главным его преимуществом перед всеми остальными общественными системами. Поэтому, когда военная машина социализма не растет и не развивается вне всякой конкуренции, а начинает показывать признаки ослабления, это значит, что гражданская часть социализма находится уже в совсем плохом состоянии.

Раньше помощь СССР социалистическим странам была совершенно обязательной и относительно эффективной. Сейчас СССР уже не в состоянии, например, ликвидировать экономический кризис в Польше. Помните, как быстро и эффективно был ликвидирован в свое время экономический "сахарный" кризис на Кубе? СССР закупил огромные количества кубинского сахара по завышенным ценам.

Сейчас СССР не в состоянии ликвидировать экономический кризис в Польше. Экономические кризисы не могут быть ликвидированы насилием или введением военного положения. Этих мер для их ликвидации совершенно мало. Если социалистическая экономика Польши будет продолжать разваливаться (это неизбежно) и перестанет кормить, обогревать и одевать народ Польши, то взрыв неизбежен, а эффект "домино" среди сателлитов СССР весьма вероятен. Легко видеть, что не военное, а экономическое невмешательство в ход событий в социалистических странах для СССР, безусловно, смертельно. Если эта экономическая (не военная) помощь СССР в необходимой мере не приходит не только к Польше, но и к Румынии, и к Кубе, и к Венгрии (больше долгов капитализму на душу населения, чем у Польши), и к Чехословакии, это значит, нечем помогать: у самих ничего нет.

Могут сказать, мол, экономический кризис охватывает и Запад тоже. Однако кризис кризису – рознь. Для Запада кризис может оказаться смертельным только в случае победы социализма на самом Западе. Для СССР кризис означает приближение смерти социализма и СССР.

3. Если теперь обратиться к гражданскому хозяйству СССР, то его развал виден невооруженным глазом. Уже довольно давно всем стало ясно, что сельское хозяйство социализма находится в состоянии полной разрухи. Сейчас постепенно становится ясно, что разрушено не только сельское хозяйство, но и промышленность (по крайней мере, гражданская), и торговля. Даже официальная статистика уже не может этого факта скрыть. То, что развал зашел много далее официальных цифр, показывает снижение средней долговечности населения и рост детской смертности. Люди всегда менее долговечны, когда жизнь ухудшается. Главное в том, что разваливается советская административно-управленческая структура. Что это значит? Это значит, что постановления, приказы, распоряжения, как правило, перестают давать эффект. Конечно, они уже давно не были очень эффективны, но сейчас их неэффективность стала повальной и повсеместной. Например, приказано погрузить эшелон новых автомашин по некоему адресу. Что-то грузят, а по адресу приходят не автомашины, а груды лома, хлам, остовы. Грузят эшелон "угля". Он доходит до электростанции, без инспекции ссыпается в бункера, и получается "козел", т. е. расплавленная порода (вместо угля) забила топку и вывела ее и электростанцию из строя. Кто, где, почему, как это сделал и кто виноват, неизвестно. Круговая порука. Этой безнаказанности способствует и то, что, за редким исключением, предприятия, оборудование, материалы, процессы уже устарели. Все ведь создавалось в первые сталинские пятилетки или оставалось от царской власти. Поэтому даже после специальных расследований невозможно установить виновников провала или аварии. Тем более, что и заинтересованных в этом раскрытии людей нет. Наказывают же, как правило, "козлов отпущения". Если внимательно читать советские газеты и журналы, то приходится поражаться тому, как далеко зашел развал.

Почему социализм нельзя исправить?

1. Хозяйство страны национализировано и управляется государством, по идее, как единое целое. Это управление не может быть ничем иным, как единым, распространенным на всю страну планированием. Механизм свободного рынка не может употребляться для управления, так как тогда единое планирование невозможно и невозможно достижение требуемых финансово-экономических балансов по стране. Самое главное, что свободный рынок представляет собой силу или фактор, который не подчиняется единой воле социализма и поэтому по своей сущности действует против социализма. Поэтому единая воля и ее прямое выражение – единый план длительно сосуществовать со свободным рынком не могут.

Единый план представляет собой грандиозную сеть из миллионов ячеек (планы предприятий и учреждений) и миллионов связей между ячейками. Связей, которые должны действовать не только в количествах и ассортиментах, но и весьма строго во времени. Материалы и детали, скажем, автомобиля должны быть поставлены к началу, а не к концу сборки автомобилей. Такой план требует для его составления не только огромных знаний, высочайшей квалификации, но и длительной работы. Из

этого следует парадокс: чем план совершеннее, тем больше для этого требуется времени, тем больше он становится более устаревшим и похожим на "филькину грамоту". Вероятность его несрабатывания тоже становится больше. Как бы то ни было, замены единому плану не существует. Как бы плох ни был составленный и утвержденный план, как бы он ни подвергался разрушениям по ходу событий, разрешить исполнителям исправлять его на местах совершенно недопустимо. План превратится в хаос, и все экономические балансы страны будут разрушены. Следовательно, ни один исполнитель не может внести свой положительный творческий вклад: он нарушит план. Точно так же, любой исполнитель, наработавший, скажем, в два раза больше, чем положено по плану, продукции, не сможет получить большую зарплату: его зарплата в плане уже зафиксирована и отражена в балансах по всей стране.

Единый план, таким образом, полностью исключает возможность индивидуального творческого вклада со стороны трудящихся и полностью ликвидирует их материальную заинтересованность в труде. Свободный рынок такими страшными для общества дефектами не страдает. Однако отказ от единого планирования совершенно эквивалентен при социализме потере единовластия и управляемости, т. е. ликвидации социализма.

2. Государство социализма является монопольным хозяином-предпринимателем и монопольным работодателем. Хорошо известно, что интересы хозяина и работника прямо противоположны. Хозяин хочет больше работы от работника и лучше, хочет платить за работу меньше, не хочет ни забастовок, ни профсоюзов. Работник хочет противоположного.

Та же противоположность интересов существует между покупателем и продавцом, между кредитором и должником, между вкладчиком и банкиром.

Социалистическое государство, выступая в роли монопольного хозяина, монопольного продавца и монопольного банкира, выступает одновременно против личных интересов всего населения страны, выступающего в качестве работников, покупателей, должников и вкладчиков.

Пока миллионы трудящихся еще чего-то ждали хорошего от социализма лет 30 тому назад, это гигантское, неустранимое противоречие между всем населением и государством социализма не входило в полную силу. Теперь оно действует в полном объеме, разрушая производительные силы страны через скрытый саботаж, бракодельство, безделие, прогулы, воровство государственного имущества, взяточничество, очковтирательство, пьянство и т. п. антиобщественные и антигосударственные действия. Все эти разрушительные действия тем опасны, что не требуют ни сговора, ни организации. Они организуются самим социализмом и обстоятельствами жизни: нуждой и лишениями.

При капитализме то же самое противоречие расщеплялось на многие миллионы взаимодействий: хозяин – работник, продавец – покупатель, банкир – должник или банкир – вкладчик. В результате миллионы противоречий устранялись в миллионах компромиссов, не направлялись против государственной власти и не разрушали, а развивали хозяйство.

Маркс, по недомыслию ликвидировав частную собственность и капиталистов, сосредоточил всю силу этого якобы "классового" противоречия против бесклассового государства социализма. Раньше от государства не требовалась особая сила для компенсации несбалансированных противоречий: они балансировались сами, автоматически. Государству социализма нужна вся его мощь для достижения баланса, и ее, однако, всегда недостаточно: трудящихся невозможно заставить добросовестно работать. Их 140 миллионов, а государство одно. Не помогает и вся огромная система принуждения, дезинформации, пропаганды, цензуры, лишения прав и т. п. Снять это колоссальное противоречие можно, только вернув частную собственность и капиталистов, а это значит отказаться от социализма. Это также означает потерю власти для управителей, которую им дает социализм. Не мудрено, что самый плохой статус-кво представляет собой для управителей лучший выбор, чем выход из тупика социализма. Тем более, что теплится надежда на торжество всяких социалистических движений на Западе и на возможность отхватить лакомый кусочек, а то и весь капитализм, для пропитания. Поэтому военная сила и военный шантаж есть теперь единственная надежда вождей, но и она, кажется, слабеет.

"Уже 65 лет предсказывается конец социализма, а он все живет"

Эти предсказания, действительно, начались еще даже до революции 1917 г. Дело в том, что всегда хочется предсказать желаемое. Однако для серьезного предсказания не было оснований вплоть до конца хрущевской эры. Еще миллионы людей в СССР ожидали чего-то хорошего от советской власти. Им помогали, так или иначе, другие миллионы на Западе. Посмотрите, сколько их, этих наивных миллионов, еще на Западе существует и тащит Запад к гибели! Даже наивная, глупая, необоснованная вера миллионов есть огромная сила. Именно она действовала в пользу советской власти в СССР в свое время и давала ему помощь За-

пада. Если на Западе эта вера все еще существует, то в СССР она полностью исчезла. И в этом вся суть. До этого СССР можно было сравнить с молодым человеком, а сейчас это больной старик. Предсказывать смерть молодому человеку необоснованно, а дряхлому старику – вполне правильно. Процессы в СССР, в их совокупности, развивались в пользу социализма примерно до конца хрущевской эры. После этого они развиваются в противоположном направлении – против социализма.

Куда податься?

Пока Андропов еще не произвел достаточной перетряски аппарата, от него трудно ожидать каких-нибудь решительных действий. На обещания он, конечно, может не скупиться. И он хорошо знает, каких обещаний от него ждут в стране и вне ее, на Западе. Кое-что могло было быть подготовлено еще в недрах брежневского аппарата, но полное развертывание "андроповской" политики потребует времени для завершения "перетряски". Как бы то ни было, ситуация, в которой находится СССР, потребует от Андропова большой осторожности во внешней политике и определенной демонстрации "миролюбия". Цель завоевания мира (планеты), конечно, останется: социализм без этого выжить не может. Останется и ближняя цель финляндизации Европы, отрыва ее от США, всяческой дестабилизации мировой обстановки. Так называемая "китайская карта" Запада будет использована Китаем и СССР полностью. Расхождения между правителями социалистических Китая и СССР, конечно, так же возможны, как, скажем, расхождения между "великими социалистами" Троцким и Бухариным. Вопрос в том, что больше: расхождения между Троцким и Бухариным или между Троцким вместе с Бухариным и капитализмом. Пожертвовать десятком тысяч солдат в драке между собою и Китаю, и СССР выгодно, если Запад поддержит "китайскую карту против СССР" или, наоборот, "советскую карту против Китая". Кроме того, "драка" подогреет "патриотизм" населения обеих стран и "доверие" населения именно к своим вождям, что тоже крайне желательно. Несколько лет тому назад в "Новом Журнале", в статье "Дела китайские", я все это подробно рассказал.

Сейчас "китайская карта" явно ослабла: Запад засомневался в ней. Андропов, как и Брежнев, спешит ее подкрепить, "сближаясь" с Китаем.

Та же самая политика приносит выгоду социализму в отношениях, скажем, с Югославией и другими социалистическими странами. Чем больше социалистические страны будут "сближаться", тем больше Запад будет стараться их расщепить. Чем? Только тем средством, которое есть в распоряжении Запада: экономической и политической помощью. Социализм в СССР вырос и окреп на западной помощи. Пришел черед Китая. Да и СССР в этом деле тоже поживится.

Военный и идеологический шантаж продолжает быть действенным козырем социализма, как для СССР, так и для Китая.

Так или иначе, но успехи СССР (и Китая) во внешнем мире будут, однако, зависеть от того, насколько внутренняя ситуация в стране будет ослаблять военный потенциал и подрывные силы СССР (и Китая). Ключ к внешним действиям, безусловно, находится внутри СССР (и Китая). Конечно, не просто в личных свойствах и характере Андропова или Ден Сяо Пина. Обстановка в СССР (и в Китае) безусловно созрела для принятия срочных мер, если есть желание предотвратить социально-экономический развал и неконтролируемый взрыв, угрожающий управителям потерей власти и жизни. Каких мер? Нужно приосвободить творческий потенциал населения и ослабить давление указанного выше противоречия через введение хотя бы элементов капитализма.

Поставьте себя теперь в положение Андропова. Едва ли вы сможете так легко предложить обоснованное решение. 100% шансов за то, что вы предложите распустить колхозы и допустить частную торговлю. Однако частник ни хлеб, ни, скажем, хлопок сеять не будет. Он начнет с овощей, фруктов, картошки, чтобы продавать их на базаре. А откуда брать хлеб и одежду для населения и армии? Кроме того, страну все равно нельзя будет кормить и обеспечивать остальной сельскохозяйственной продукцией с помощью "ручного" частного мелкого сельского хозяйства. Техника социализма, рассчитанная на огромные хозяйства, для мелкого крестьянского хозяйства неприменима. Кроме того, завышенные из-за неэффективности госпредприятий цены на энергию, бензин, удобрения, инструмент задушат немедленно частное сельское хозяйство, как они задушили его в Польше.

С частной торговлей тоже плохо. Резко оборвется возврат денег в казну: деньги пойдут торговцам-частникам. Значит, будет сильнейшая инфляция. Кроме того, госторговля сократится. Целый ряд предприятий будет вынужден закрыться, так как продукция не будет покупаться. Безработица. Может быть, открыть границы для капиталистических товаров? Тоже беда: иностранная продукция задавит и государственное, и частное производство в стране. Да и чем расплачиваться? Запад СССР прокормить не сможет: он не маленькая Венгрия. А источники сырья уже истощены.

Таким образом, опять: влезть в социализм

относительно легко, а вылезти очень трудно.

Следовательно, такие частичные решения, как роспуск колхозов, НЭП и т. п., могут и разрушить управление, и принести даже еще большие несчастья. Требуется продуманная система мер, позволяющая наименее болезненно разобрать социализм по частям. Проект такой целостной системы дан в моей книге "О Новой России. Альтернатива". Однако целостную систему трудно разработать, но еще труднее осуществить, не говоря о том, что нужно решиться заранее на значительную потерю власти, правда, с сохранением жизни.

Существенно отметить, что большие надежды на НЭП весьма неосновательны. После разрухи военного коммунизма и в условиях еще сохранившихся тогда предпринимательских традиций, НЭП создал весьма впечатляющий контраст. Именно контраст. Однако в Польше НЭП никак себя не оправдал. Как известно, в Польше и сельское хозяйство, и ремесленничество, и мелкая торговля – частные в значительной степени. Государственные "командные высоты" своей неэффективностью задушили весь польский НЭП.

Та же картина в Венгрии. Долги Венгрии на душу населения больше, чем у Польши, но страна поменьше, и ей поэтому легче жить за чужой счет, что она, как и Польша в свое время, с успехом делает. НЭП же создал в Венгрии проблему потери управления. В Венгрии, как и в СССР, все находится в стадии непрерывного и безуспешного "совершенствования". Югославия тоже не блещет успехами. Огромная инфляция, безработица, рост нищеты и беспокойства населения показывают, что и югославская смесь социализма и "свободы" мало что дает.

В таких условиях очень вероятно, что Андропов сначала "потрепыхается", а затем, как и Брежнев, постарается топтаться на месте, стараясь поживиться за счет внешнего мира.

Однако долго топтаться не удастся. Развал административно-управленческой структуры ослабит зависимость областей огромной страны от Москвы. Это может привести к отделению больших и удаленных от Москвы областей СССР (вариант, предложенный И. Глаголевым), а власть не сумеет дело восстановить. Армия и КГБ тоже подвержены развалу. КГБ даже еще больше, так как находится в курсе ситуации в стране больше, чем кто бы то ни было. Процесс, конечно, не замедлит распространиться по всему СССР.

Этот неконтролируемый процесс сулит вождям социализма не только потерю власти, но и смерть. Поэтому совсем не исключено, что вожди решатся на целостную систему разборки социализма под своим контролем. Лиха беда – начало. Есть шансы, что искусственная, предельно разбалансированная система социализма будет заменена внутренне сбалансированной демократией. С такой демократии начинались и с нею жили и процветали многие прежние цивилизации. Жили до тех пор, пока централизация, налоги и лишение населения творческой свободы не лишали это население интереса в сохранении их общественной структуры. Тогда, в результате несбалансированности и связанной с нею слабости общества, цивилизации приходили в упадок и разрушались. Часто через военное поражение. Разве может долго жить общество, которое его граждане не поддерживают, а разрушают? Очевидно, нет. Скорость же процессов как созидания, так и разрушения в наше время весьма резко увеличилась по сравнению с их скоростью тысячи лет тому назад. Это значит, что все может произойти в наше время очень быстро.

От редакции: К сожалению, мы считаем иллюзией надежду на то, что "вожди решатся на целостную систему разборки социализма под своим контролем". Мы считаем, что это все те же старые надежды на эволюцию режима, которые и в наше время могут оказаться весьма опасными, – как были опасными прежде. Мы считали нужным высказать свое мнение, предоставляя, конечно, читателям иметь и высказать свое, может быть, в порядке дискуссии.

В. КОБЫЛИН

ДРУГОЙ ПОДХОД

В номере 25-м "Голоса Зарубежья" помещена статья А. Федосеева – "Советская власть– религиозная категория?", как ответ на мою статью в №23 "Г. З.".

Сразу должен сказать, что мы, то есть А. Федосеев и я, мыслим разными категориями. Когда я написал в своей статье, что "... власть является религиозной категорией", я предпослал в нескольких фразах до и после этого заявления, как это надо понимать. Я писал: "Очень трудно определить словами явление, которое мы называем властью". И дальше: "...Что же нужно, чтобы подойти ближе к самой сущности власти? Немного отойти от "всяческой суеты", "я хочу указать на нечто более точное, вернее, извечное, что смогло бы помочь уяснению этого феномена". И после: "Для людей, лишенных способности мыслить метафизиче-

ски, можно предложить представление о природном процессе, хотя, конечно, это было бы паллиативом".

И дальше я пишу, что Бог властвует над созданным миром. И дальше: "Это рассматривается как Благо, то есть исключается какой-либо диссонанс и нарушение этого закона".

Определение власти как категории религиозной относится именно к установлению власти Бога как незыблемого явления, чтобы понять сущность отношения Бога к сотворенному Им миру. Выводить из этого, будто я полагаю, что власть здесь, на Земле, является такой категорией, это искажение моей основной мысли.

И если все же склоняться к тому, что человек взял, как подражание, что ли, Господу Богу, установление человеческой власти на земле, то, конечно, само собой разумеется, что чаще всего эта власть является узурпацией подлинного феномена власти, которая должна быть Благом.

Так что длинные рассуждения А. Федосеева, в которых говорится о советской власти как источнике Зла, а также о "шкале", по которой двигается добро и зло, отпадают, так сказать, начисто.

И если говорить все же о религиозной категории, не применяя ее к власти, то мое заявление, что мы мыслим разными категориями, как раз и применяется к этому, то есть я мыслю религиозной категорией, а А. Федосеев лаической (мирской). В чем же разница? Во всем. А. Федосеев законы природы называет (в скобках) Богом. Законы природы, как и весь мир, видимый и невидимый, **созданы** Богом, что совсем не одно и то же. Субъект становится объектом, что лишает это заявление логической основы.

А. Федосеев заявляет, что в будущей России Церковь должна быть отделена от государства, так как, дескать, обидятся все неправославные. Я опять приведу в пример Литву до ее захвата советами в 1940 году. Население Литовской республики состояло из 75 процентов католиков, а остальные были православные, лютеране, иудеи и магометане. Каждое вероисповедание было удовлетворено и в отношении празднования религиозных праздников, и во всех своих традициях, связанных с религией. В школах преподавали Закон Божий священники, ксендзы, пасторы, раввины и муллы. Все записи гражданского состояния совершались духовенством. Никаких обид, недоразумений не было и в помине. Преступления совершались в минимальном количестве, а извращения всякого рода, которыми так богаты страны, где Церковь отделена от государства, просто не существовали.

Что понимать под "плохим" и "хорошим", что является нравственностью? Вот именно тот факт, что религиозное начало в своих вероисповедных разветвлениях и учило, как распознавать разницу между плохим и хорошим, и говорит за необходимость присутствия религиозных институций в государстве, как обязательный элемент для того, чтобы правовые нормы не выродились бы в толкование основных законов, что имеет место в Соединенных Штатах, где религия является "частным делом" граждан, где "конституционным" является даже половое извращение и где преступники получают явное покровительство и судебных, и административных инстанций. А вот молитва в школах изгнана, как "неконституционная!"

Затем дальше А. Федосеев пишет, что "если поверить В. Кобылину, то можно заранее сказать, что "просветление" не наступит и через миллион лет, так как и через миллион лет будут существовать различные категории добра и зла..."

Я в своей статье пишу следующее: "Конечно, можно сказать, что это иллюзорно, даже наивно предполагать возможность таких идиллических времен. Но стремиться к этому нужно уже и сейчас". Я отлично понимаю всю трудность нравственного совершенствования, но опять повторю, что стремиться к этому необходимо.

Но вот, что пишет А. Федосеев: "Если, как будто вопреки В. Кобылину, я предлагаю конкретную и определенную структуру государственной власти в Новой России – истинную демократию, – я убежден, что она, если будет реализована, мощно двинет народ в направлении добра. Предполагаемая государственная структура и основывается лишь на том, чтобы избегнуть явственных грехов и зла социализма и западного централизма, ведущего к декадентству".

Да простит мне А. Федосеев, но это не лучше, чем мое "просветление", о котором мой оппонент пишет, что оно не наступит и через миллион лет.

Ведь о "государственной структуре" пишут "кому не лень". И еще с каким пафосом – прослезиться можно. Тут и коммунисты, и социалисты, и солидаристы, и демократы всех мастей, и сторонники диктатуры, и сторонники монархии, и даже анархисты.

О том, что я отделяю мир духовный от материального, явное недоразумение или непонимание. Я говорю об иерархическом начале, по которому, конечно, духовное стоит впереди материального, но в нашей земной жизни оно неотделимо, так как "отделение" произойдет после физической смерти.

Теперь несколько слов о выражении А. Федосеева "истинная демократия". Ведь это говорится в любой программе почти каждой политической партии. Вот в Германии до при-

хода Гитлера к власти была "истинная демократия". На выборах в начале тридцатых годов в Рейхстаг получили большинство национал-социалисты, и Гинденбург, как президент республики, поручил формирование кабинета Адольфу Гитлеру как лидеру партии, получившей большинство. Что из этого вышло – не будем говорить. А где гарантия, что в "истинной демократии" на выборах не получат большинство какие-либо "исты", "которые потом пошлют "истинную" демократию в "места не столь отдаленные"? И где гарантия, что не начнется резня как "высшая мера наказания"?

Если уж говорить об отдаленности "просветления", то лучше сказать, что отдалены пока что все возможности. Я, как человек верующий, могу сказать, что можно только просить Господа Бога, чтобы Он приблизил сроки освобождения нашей Родины от Зла. Как это произойдет – судить невозможно: будущее скрыто от человечества.

Д. ШТУРМАН

"ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СОН ЗОЛОТОЙ..."

Господа, если к правде святой
Мир дороги найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.

Из стихотворения Пьера Жана Беранже, посвященного французским социалистам-утопистам.

Очевидность этого подтверждается в Утопии самой действительностью.

Т. Мор. "Утопия".

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Итак, "человечества сон золотой..."

Читатель, вслушаемся в себя. Что просыпается в нашем сознании при слове "утопия"? Нечто заманчивое и прекрасное, но – увы! – несбыточное. Неосуществимая, но притягательная мечта. Заведомой грустью о невоплотимом в жизнь идеале овеяно это слово. Его венчает некий ностальгический нимб, и не изменить уже его манящего и печального смысла. Печаль – от недосягаемости воплощенного в утопиях идеала...

Но ведь все эти чувства родились в нас не при чтении книг прославленных утопистов. Многие ли их читали, да еще в зрелом возрасте? Мы, выросшие в СССР, в школьном отрочестве и позднее, в вузах, многократно слышали, что европейские утописты XVI – XIX веков прозорливо предначертали прекрасную гармонию совершенного мира, но не указали к нему реальных путей. Мы в это поверили. Сложился устойчивый смысловой стереотип.

Так, может быть, совершим прогулку по книжным мирам утопий, наделивших сознание XIX и XX века непреодолимой тягой к социализму? Речь идет не об исчерпывающем изучении всех проектов идеального будущего, бессчетных в истории разных цивилизаций и частью исследованных, частью нет. Я говорю всего-навсего о небольшой прогулке по "пятачку" европейских социальных утопий сперва XVI – XVII, затем XIX веков.

Чем соблазнили эти прославленные утопии умственную элиту просвещенного XIX столетия? Чего мы хотим от жизни, если по сей день представляем себе сочинения утопистов XVI – XIX веков как "золотой сон" о всеобщем счастье? Будем ли мы по-прежнему стремиться душой в Утопию после того, как прогуляемся по ее просторам?

Начнем со знаменитейшего произведения, давшего имена двум жанрам литературы: утопиям и антиутопиям.

1. "Человек на все времена"[1] и его "Утопия".

Полное название "Утопии" Т. Мора[2] – "Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия"[3].

Не странно ли, что, посвятив столько гневных строк своей книги роковой общественной роли золота и уничижению в глазах утопийцев этого коварного металла, Томас Мор (1478 – 1535) тем не менее называет свое заветное сочинение "золотой книгой"?

"... утопийцы едят и пьют в скудельных сосудах из глины и стекла, правда, всегда изящных, но все же дешевых, а из золота и серебра повсюду, не только в общественных дворцах,

[1] Название известной пьесы о Томасе Море.

[2] Все цитаты по изданию "Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Утопический роман XVI – XVII веков". ИХЛ, Москва, 1971. Страницы указываются дополнительно.

[3] В литературе о Т. Море существует мнение, что он изображал Утопию иронически, издеваясь над ее мнимыми достоинствами. Автору этой статьи такая трактовка представляется необоснованной. Кроме того, последователи Мора, включая Маркса и Энгельса, приняли панегирик Утопии вполне всерьез. Поэтому следует оставаться в пределах традиционного взгляда на книгу Мора.

но и в частных жилищах, они делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей. Сверх того из тех же металлов они вырабатывают цепи и кандалы, которыми сковывают рабов. Наконец, у всех, опозоривших себя каким-либо преступлением, в ушах висят золотые кольца, золото обвивает пальцы, шею опоясывает золотая цепь и, наконец, голова окружена золотым обручем. Таким образом, утопийцы всячески стараются о том, чтобы золото и серебро были у них в позоре" (стр. 95).

А книга все-таки "золотая". Не от вожделения ли эта ненависть?

Удивительно, что, государственный деятель и царедворец Генриха VIII, Мор не понимает исторического механизма превращения золота и серебра во всеобщий товарный эквивалент, не осознает причин их дороговизны и намерен удешевить их одним только решением не считать их более драгоценными металлами и числить позорящим материалом.

Путешественник, рассказывающий об Утопии, многократно называет ее "новым миром" – хорошо знакомая нам в XX веке терминология. Основа благополучия "нового мира" – запрещение и отсутствие частной, а по возможности и личной собственности. Главное зло старого мира – наличие частной собственности, денег и неправильное распределение продуктов труда. Мысль о возможности объективного недостатка каких-либо средств к существованию Мору абсолютно чужда. Все дело – в распределении. Источник всеобщего материального удовлетворения и благополучия усматривается Мором в экспроприации богачей и разделении между бедными их запасов:

"...вообрази себе какой-нибудь бесплодный и неурожайный год, в который голод унес много тысяч людей. Я решительно утверждаю, что если в конце этого бедствия порастрясти житницы богачей, то там можно было бы найти огромное количество хлеба; и если бы распределить этот запас между теми, кто погиб от недоедания и изнурения, то никто и не заметил бы подобной скупости климата и почвы. Так легко можно было бы добыть пропитание..." (стр. 139).

Идеальное распределение – это распределение поровну, за чем следует наблюдать неукоснительно. Не менее важны всеобщий обязательный труд поровну и строгая добродетель. Отсюда – сложная система наставляющих, надзирающих и руководящих лиц и инстанций.

"...Где только есть частная собственность, где все мерят на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел" (стр. 73).

Мор часто обращается мыслью к государству Платона, ибо Платон "легко усмотрел, что один-единственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства. ...Но пока у каждого есть личная собственность, нет совершенно никакой надежды на выздоровление и возвращение организма (т. е. общества – Д. Ш.) в хорошее состояние" (стр. 74).

В Утопии господствует абсолютная имущественная унификация. Одежды у всех строжайше одинаковые; различия делаются лишь для разных полов; изготовляется платье дома, каждой семьей. Одеяния эти – самые грубые и простые (всякое украшение одежд и себя запрещено). На работе "они небрежно прикрываются кожей или шкурами, которых может хватить на семь лет" (стр. 87). На улице сверху надевается длинный плащ, цвет и покрой которого одинаков на всем острове – некрашеная шерсть. Каждый довольствуется "одним платьем на два года" (стр. 87), ни красота, ни качество выделки одежды не ценятся, только прочность и способность укрывать от холода.

Унифицированы не только одежды, но и города, и семьи, численность которых регулируется посредством передачи избыточных членов семьи в малодетные семьи.

В Утопии пятьдесят четыре больших города.

"Язык, нравы, учреждения и законы у всех совершенно одинаковые. Расположение их всех тоже одинаково; одинакова всюду и внешность, насколько допускает местность" (стр. 78).

"Кто узнает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии: до такой степени сильно похожи все они друг на друга" (стр. 80).

Идеал – одинаковость (высшая степень равенства) всех поступков, реакций, достатка, форм общежития, личного и общественного поведения, рода занятий, состава семьи. Все строжайше регламентировано. При этом автору ни разу не приходит в голову мысль о том, какой величины аппарат планирования и контроля потребуется для осуществления этой тотальной регламентации и ее постоянного поддержания в силе.

Города окружены полями, равновеликими вокруг каждого города. На полях расположены "дома, снабженные земледельческими орудиями".

"В этих домах живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек – мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов. Во главе всех стоят отец и мать семейства, люди уважаемые и пожилые, а во главе каждых тридцати семейств – один филарх. Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются обратно в город; это те, что пробыли в деревне два года" (стр. 79).

"Главное и почти исключительное занятие

филархов состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно" (стр. 84).

Не работают лишь нетрудоспособные, а из трудоспособных "в целом городе с прилегающим к нему округом... освобождение... дается едва пятистам лицам" (стр. 86).

Имеют право не работать правители, но они это право не используют, чтобы подавать всем пример. "Той же льготой **наслаждаются**[4] те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов[5] дарует навсегда это освобождение для основательного прохождения наук" (стр. 86).

Нерадивых ученых "**удаляют обратно к ремесленникам**"[6], а склонных к наукам ремесленников переводят в ученые. Из ученых выбирают послов, духовенство, правителей и главу государства.

Очень характерно это подчеркнутое мной "наслаждаются": труд и в райской Утопии есть непривлекательная обязанность, а свобода от него – наслаждение. По-видимому, трудом Мору представляется лишь физическая работа. Правителей, священников и ученых он считает освобожденными от работы. Весьма симптоматичен и бюрократический контроль над учеными – постоянная угроза для них быть возвращенными в ряды ремесленников.

За всеобщей "одинаковостью" в Утопии скрыта неукоснительная иерархия полномочий.

На труд отводится не более шести часов в сутки. Это, вероятно, одна из самых привлекательных для читателей XVI – XIX веков черт Утопии (короткий рабочий день – половина, а для деревни – треть тогдашнего реального). Мору полностью чужда мысль о том, что столь короткий рабочий день не мог бы обеспечить удовлетворительное потребление в его время.

Кроме обязательного для всех сельскохозяйственного труда, избирается еще и какое-то семейное ремесло. Женщинам предоставляются более легкие работы. Обычно у всех детей есть, по убеждению автора, наследственное влечение к отцовскому ремеслу, "но если кто имеет влечение к другому занятию, то такого человека путем усыновления переводят в какое-либо семейство, к ремеслу которого он питает любовь" (стр. 83).

Власти заботятся о передаче его хорошему человеку, иногда дети обходят в поисках любимого ремесла и несколько семей. Таким образом, и семья не есть нечто естественное и органическое, а является лишь определенного типа регламентируемым социальным подразделением. У семьи нет и постоянного очага:

"Двери... впускают кого угодно – до такой степени у утопийцев устранена частная собственность. Даже самые дома они каждые десять лет меняют по жребию" (стр. 81).

Таким образом, человек создается поистине новый, для которого перемена обжитого угла на чужой и новый или перемена родителей менее болезненны, чем перемена барака при этапировании из концлагеря в концлагерь. И уход ребенка в чужую семью не повергает нового человека в отчаяние. И нет у него желания хотя бы каким-нибудь шовчиком на одежде отличаться от окружающих.

Распределение предметов потребления (продуктов труда) производится просто и споро – точь-в-точь, как у Маркса, Энгельса и Ленина в их описаниях коммунизма.

Обедают в общих дворцах, где живут правители и куда приписаны по тридцать семейств. "Тут эти семьи должны обедать" (стр. 90). Не запрещено обедать и дома, но никто не хочет, так как еда во дворцах "роскошная и обильная", а "все работы, требующие несколько большей грязи и труда, исполняются рабами" (стр. 90). Но варят женщины из каждой семьи поочередно. Правители все-таки, правда, живут во дворцах, но Мор не фиксирует на этом внимания, так как дворцы свободно посещаются гражданами и трапезы у рядовых с начальством общие. Главы семей, занятых в данный момент сельским хозяйством, "определяют (и делают это весьма точно), сколько хлеба потребляет город и прилегающий к нему округ[7], однако они и посевы делают, и скот выращивают в гораздо большем количестве, чем это требуется для их нужд, имея в виду поделиться остатком с соседями. Все, что им нужно и чего нет в деревне, ... они легко просят в городе и получают от тамошних властей очень легко, без какого-либо обмена. ...Когда настает день уборки урожая, то филархи земледельцев сообщают городским властям, какое количество граждан надо им прислать; так как эта толпа работников является вовремя к самому сроку, то они почти в один ясный день справляются со всей уборкой" (стр. 79).

"...в определенные дома свозятся все предметы производства каждого семейства. ...В них каждый отец семейства просит того, что нужно ему и его близким, и без денег, совершенно без всякой уплаты, уносит все, что ни попросит" (стр. 89).

Ошибочное и соблазнительное представление о простоте планирования и учета национального производства и потребления, о легкости централизованной организации личного

[4] Подч. Д. Ш.

[5] Правители местного масштаба, то же, что филархи.

[6] Подч. Д. Ш.

[7] Им должны очень завидовать современные социалистические планирующие инстанции с их вычислительной техникой, тонущие в бесконечно запаздывающих расчетах.

и общественного труда (с постоянными перебросками продукции, инструментов, сырья, лиц, групп, целых трудовых армий – со склада на склад, из дома на склад и обратно, из семьи в семью, из города в село и из села в город) – обще для всех социалистических утопий, включая марксизм.

Мор, казалось бы, глубоко уверен в том, что уничтожением частной собственности будут искоренены безнравственность и преступность, как одной уже отменой денег в его утопии уничтожается бедность (то есть нужда в деньгах):

"Выведя деньги из употребления, они совершенно уничтожили всякую алчность к ним, а какая масса тягостей пропала при этом! Какой посев преступлений вырван с корнем! Кто не знает, что с исчезновением денег совершенно отмирают все те преступления, которые подвергаются ежедневной каре, но не обузданию, а именно: обманы, кражи, грабежи, ссоры, восстания, споры, мятежи, убийства, предательства, отравления; вдобавок вместе с деньгами моментально погибнут страх, тревога, заботы, труды, бессонница. Даже сама бедность, которая, по-видимому, одна только нуждается в деньгах, немедленно исчезла бы с совершенным уничтожением денег" (стр. 138–139).

Общественные и частные манипуляции со всеобщим товарным эквивалентом – деньгами – начисто заслоняют от Мора истинный объект этих манипуляций – потребляемые товары (от самых насущных: еды и одежды – до предметов роскоши, свидетельств престижа, запасов ценностей, в том числе и эстетических). Уничтожение эквивалента означает для него одновременно и уничтожение дефицита, и конец неравномерности распределения. Иными словами, он наивно принимает функцию за аргумент. Но странным образом эта наивная подмена сохраняется даже в проникнутом экономическими идеями марксизме, постулирующем отмену денег в качестве одного из условий равенства.

Итак, нет денег – нет бедных, нет преступлений. Так почему же в восторженном описании благоденствующей Утопии столь большое место уделяется ее карательной системе? Почему и как сохраняется на процветающем острове институт рабства?

Ведь, хотя "нигде нет такого превосходного народа и более счастливого государства" (стр. 107), без рабов не обходится в Утопии ни одна семья! Весьма воинственные утопийцы обращают в рабов своих многочисленных военнопленных. Но это отнюдь не единственный источник рабовладения на их острове.

В Утопии очень жестокая карательная система, причем большинство совершаемых утопийцами преступлений влечет за собой обращение осужденных в рабство. Рабством наказывается добрачное прелюбодеяние. Также и "оскорбители брачного союза караются тягчайшим рабством. ... Но вторичное грехопадение карается уже смертью" (стр. 113).

"... все наиболее тяжкие преступления караются игом рабства. ...Труд этих лиц приносит более пользы, чем их казнь. ...Если же и после такого отношения к ним они станут бунтовать и противиться, то их закалывают, как неукротимых зверей, которых не может обуздать ни тюрьма, ни цепь. Но для терпеливо сносящих рабство надежда отнюдь не потеряна" (стр. 114), "Arbeit macht frei"[8].

Ни о какой юридической процедуре по отношению к закалываемым рабам Мор не упоминает. И вообще законов у утопийцев мало, четко определенных кар за определенные виды преступлений не установлено, адвокатура отсутствует.

"За прочие преступления" (кроме упомянутых нами выше) "закон не устанавливает никакого определенного наказания, но за всякий ужасный и злодейский поступок кару назначает сенат. Мужья наставляют жен, родители – детей, если только они не совершат такого преступления, за которое, по правилам общественной нравственности, требуется публичное наказание" (стр. 113–114). "Иногда власть князя или голосование народа может или смягчить их рабство, или прекратить его" (стр. 114).

"По словам утопийцев, все законы издаются только ради того, чтобы напоминать каждому об его обязанностях" (стр. 115).

О правах упоминания нет.

Рабов поставляет и нарушение закона, который человек с советским житейским опытом назвал бы законом о прописке по месту жительства. Правда, у Мора этот закон реализуется куда более жестоко, чем в СССР, так как "прописка" эта является одновременно и обязательством не покидать самовольно даже на сутки место своего узаконенного проживания.

Как же утопийцы передвигаются по своему острову?

"Если у кого появится желание повидаться с друзьями, живущими в другом городе, или просто посмотреть на самую местность, то такие лица легко получают на это дозволение от своих сифогрантов и траниборов, если в них не встречается никакой надобности. Они отправляются одновременно с письмом от князя, свидетельствующем о позволении, данном на путешествие, и предписывающим день возвращения... Хотя на весь свой путь они ничего с

[8] Лозунг, висевший на воротах гитлеровских концлагерей: "Работа освобождает".

собой не берут, у них все же ни в чем нет недостатка: они везде дома. Если они останавливаются в каком-либо месте долее одного дня, то каждый занимается там своим ремеслом и встречает самое радушное отношение со стороны работающих по тому же ремеслу. **Если кто переступит свои пределы по собственному почину, то, пойманный без грамоты князя, он подвергается позорному обхождению: его возвращают, как беглого, и жестоко наказывают. Дерзнувший на то же вторично – обращается в рабство**" (стр. 92 – 93. Подч. Д. Ш.)

Столь враждебное отношение Мора к свободным отлучкам утопийцев из их городов объясняется, вероятно, размахом бродяжничества в Англии его времени. Он не раз о нем упоминает. Но картина не становится от этого привлекательней. По-прежнему остается загадкой: как могли – на столетия! – привлечь симпатии просвещенных людей такие порядки?

Законопослушный утопиец сыт – в этом, по-видимому, заключено все его счастье. Свободы же, в том числе и элементарной свободы передвижения внутри своей страны, он лишен начисто.

Мор, по-видимому, не сомневается в том, что человеческая натура не может без сопротивления поддаваться столь всепроникающей регламентации и унификации, как те, которые он ей предписывает. Поэтому он так озабочен и карами, и поощрением института доносчиков, и созданием утопийского (но, к сожалению, не утопического) ГУЛага:

"Зачем нам сомневаться в пользе того способа кары за злодеяния, который, как мы знаем, был столь долго в ходу у римлян, весьма опытных в управлении государством? Именно уличенных в крупных злодеяниях они присуждали к каменоломням и рудникам, держа их, кроме того, постоянно в кандалах" (стр. 59).

Не забыты и "расконвоированные":

"Если совершение кражи не осложнено преступлением, то похитителей не сажают в тюрьму, избавляют от кандалов, и они свободно и беспрепятственно занимаются общественными работами. ...их не столько наказывают кандалами, сколько поощряют ударами. ...только ночью, после поименного счета, их запирают по камерам.

...в некоторых местностях преступники не исполняют никаких общественных работ; но ...частное лицо... нанимает на рынке любого из них **за определенную плату, несколько дешевле по сравнению со свободным человеком**" (стр. 60. Подч. Д. Ш.).

Откуда взялась оплата труда раба и свободного человека? Ведь Мором постулировано полное отсутствие наемного труда и заработной платы в его Утопии. Там не существует даже продуктообмена: все сдается в общественные кладовые и все из них черпается по потребности. По-видимому, чрезвычайно трудно все время иметь в виду, работая над своим сочинением, столь противоестественную для Европы XVI столетия систему распределения, как безденежный продуктообмен.

"Кроме того, раба за его леность позволяется бить бичом... ...одеты они в определенный цвет, волос им не бреют, а подстригают немного выше ушей, одно из которых слегка подрезают" (стр. 60).

Рабам нельзя давать деньги, нельзя брать денег у них (наказываются дающий и берущий). Снова деньги!..

Но ведь денег в Утопии нет вообще? Ведь безденежное распределение – главный экономический принцип утопии Мора! Несколько ниже деньги упоминаются снова – в качестве награды доносчику за разоблаченное преступление.

"Осужденным запрещается касаться оружия" (стр. 61). Все они отмечены в каждой области "особой отметкой, бросить которую считается уголовным преступлением, равно как показаться вне своих пределов и вести какой-либо разговор с рабом другой области. **Замысел бегства является столь же опасным, как само бегство** (подч. Д. Ш.). За соучастие в таком решении рабу полагается казнь, свободному – рабство. С другой стороны, доносчику назначены награды: **свободному – деньги** (подч. Д. Ш.), рабу – свобода, далее, обоим прощение и безнаказанность за соучастие" (стр. 61).

Рабы не могут бежать ни в своем платье (оно у них особое), ни переодетые, ни голые: у них урезано ухо и есть другие отметки на теле. Они не могут "составить заговор против государства", ибо "не только лишены возможности устраивать заговоры, но им нельзя даже собраться вместе побеседовать и обменяться приветствиями" (стр. 61).

Для их же безопасности, тем, кому рабы доверят свой план (в том числе и рабу), умолчать об этом опасно, "а выдать его будет очень выгодно" (стр. 61). Рабство бессрочное, но раб может рассчитывать и "на обратное получение свободы; это и делается ежегодно для нескольких лиц из уважения к их терпимости" (стр. 62).

Итак, Утопийский ГУЛаг, с его бессрочной каторгой и запрещением рабам разговаривать между собой, не лучше, а кое в чем и страшнее реальных ГУЛагов XX века.

Как и во всех случаях, связанных с надзором, планированием, контролем, учетом и управлением, контингенты охранников и надсмотрщиков для его ГУЛага, штаты судей и палачей Мором не предусмотрены. Он совершенно не представляет себе, сколь внушитель-

ное число обитателей Утопии будет занято трудом непроизводительным, то есть существовать за счет чужого труда.

У утопийцев есть колонии вокруг Утопии. Туда же они переселяют свое избыточное население (на свободные земли, не занятые туземцами), и оттуда пополняют свое население в случае его убытия – например, после чумы.

Ни у рассказчика, ни у его слушателей не вызывает осуждения макиавеллизм утопийцев, их коварное отношение ко внешним врагам или к тем народам, которые они стремятся себе подчинить. Своих противников утопийцы ловко натравливают друг на друга.

"Если дело не подвигается путем подкупа, то утопийцы начинают разбрасывать и выращивать семена междоусобий, прельщая брата государя или кого-нибудь из вельмож надеждой на захват верховной власти. Если внутренние раздоры утихнут, то они побуждают и натравливают на врагов их соседей" (стр. 121).

Утопийцы используют в войнах соседей-наемников:

"... Этот народ сражается на стороне утопийцев против кого угодно, потому что получает за свою работу такую высокую плату, как нигде в другом месте. Именно, утопийцы ищут не только хороших людей на пользу себе, но и этих негодяев, чтобы употребить их во зло" (стр. 122).

В войнах утопийцы осаждают города и "убивают противившихся сдаче, прочих же защитников обращают в рабство" (стр. 125).

Деньги у врагов берут для внешнего обращения. Для того же употребляют и свое золото и серебро.

Для управления завоеванными народами посылают "некоторых из своих сограждан, чтобы они **могли жить там великолепно и представлять собой вельмож**" (стр. 125), употребляя на это дань, взимаемую с порабощенных народов.

Таким образом, в Утопии есть лица и слои, имеющие дело с деньгами и ценностями и вне Утопии "**представляющие собой вельмож**". По-видимому, служба в "загранке" должна быть для утопийских чиновников не менее привлекательной, чем для советских.

Религии в Утопии многообразны; все они признаются законными и допускаются, но атеизм запрещен. Человеку с атеистическим образом мыслей "утопийцы не оказывают никакого уважения, не дают никакой важной должности и вообще никакой службы" (стр. 129).

Ему разрешается дискутировать только со священниками, и если и предоставляется какая-либо работа для пропитания, то лишь физическая.

Интересно, что, говоря о роли священнослужителей, поучающих юношей, рассказчик вменяет первым в главную их обязанность воспитание в молодом поколении не религиозной морали, а преданности государству и приверженности к его социальному строю.

"Именно они (священники – Д. Ш.) прилагают огромное усердие к тому, чтобы в еще нежные, гибкие умы мальчиков впитать мысли добрые и полезные для сохранения государственного строя. Запав в голову мальчиков, эти мысли сопровождают их на всю жизнь и после возмужалости и приносят большую пользу для охраны государственного строя, который распадается только от пороков, возникающих от превратных мыслей" (стр. 132).

Иными словами, идеальный государственный строй Утопии был бы тотчас же разрушен неблагодарными утопийцами, если бы не жесточайшая карательная система и постоянная идеологическая обработка детей и юношей.

2. "Город Солнца".

Прогуляемся по улицам и общежитиям еще одного Эдема.

Этот литературный вариант "нового мира" наделен звучным и красивым названием – "Город Солнца". Автор – Джованни Доменико Кампанелла (1568 – 1639)[9].

В утопии Кампанеллы принцип равенства декларируется с еще большей категоричностью, чем в "Утопии" Мора. Глубже, чем в фантазии Мора, проникают в жизнь граждан города Солнца регламентация их частного поведения и верховный контроль. Резче выражена иерархичность социальной структуры. Жители города Солнца – солнцепоклонники. Их верховный правитель считается наместником и воплощением Солнца на Земле. Выборы руководящих лиц у них, как и в Утопии, многоступенчатые, и лишь низших начальников избирает непосредственно сама община. Затем начальство каждого уровня последовательно выбирает очередную (высшую) ступень иерархии. Подчинение избранным беспрекословное. Отзывать и карать их может только начальство высшего по сравнению с ними ранга.

Безупречность деятельности начальства обеспечивается только тем, что все избираемые – по условию выборов хорошие и достойные люди.

Итак – "Город Солнца".

"Народ этот появился из Индии, бежавший оттуда после поражения монголами и насильниками, разорившими их родную страну, и решил вести философский образ жизни общи-

[9] Все цитаты по изданию "Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Утопический роман XVI–XVIII веков". ИХЛ, Москва, 1971.
Страницы указываются дополнительно.

ной. И хотя общность жен и не установлена среди остального населения, живущего в их области, у них самих она принята на том основании, что у них *все общее* (курсив Кампанеллы). Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем собственных жен и детей" (стр. 149).

"Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее. Но через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне и кому во второй" (стр. 154).

В Утопии людей переселяют из города в село и обратно раз в два года, а из жилища в жилище – только раз в десять лет. Здесь – из барака в барак – один раз в полгода.

"В каждом круге есть свои кухни, магазины, кладовые для посуды, съестных припасов и напитков. Для наблюдения за исполнением всех обязанностей по этой части приставлены маститый старец со старухой, которые распоряжаются прислуживающими и имеют власть бить или приказывать бить нерадивых и непослушных... ...И горе уклоняющимся!" (стр. 155).

Согласно известному советскому анекдоту о равенстве в условиях социализма, обитатели города Солнца равны между собой, но некоторые из них "равнее" всех прочих. Способы поощрения – гулаговские: посредством награждения "доппайком" или новой одеждой.

"Должностные лица получают бо́льшие и лучшие порции, и из своих порций они всегда уделяют что-нибудь на стол детям, выказавшим утром больше прилежания на лекциях, в ученых беседах и на военных занятиях. И это считается одной из величайших почестей" (стр. 155).

"...героям и героиням раздаются от государства на празднествах во время трапезы обычно либо красивые венки, либо вкусные блюда, либо нарядная одежда" (стр. 161).

"Каждому полагается своя салфетка, миска, похлебка и кушанье. На обязанности врачей лежит заказывать поварам еду на каждый день: что́ готовить старикам, что́ молодым и что́ для больных".

"Часто также моют они свое тело по указанию врача и начальника" (стр. 156).

Можно ли помыть свое тело без "указания врача и начальника", не сказано.

Весьма поощряются танцы, спорт и все игры, которые могут способствовать физическому расцвету подданных Солнца.

"Не разрешается играть лишь в кости, камешки, шахматы и другие сидячие игры" (стр. 162).

Наиболее выразительно всепроникающая верховная регламентация частной и общей жизни обитателей города Солнца проявляется в тех разделах сочинения Кампанеллы, которые посвящены деторождению и воспитанию детей. В солнечном царстве господствует грубая и примитивная принудительная евгеника. Фразеология Кампанеллы порой удивительно напоминает фразеологию орвелловского "ангсоца"[10], но начисто лишена гневного орвелловского сарказма в оценке этой фразеологии.

"Ни одна женщина не может вступать в сношение с мужчиной до девятнадцатилетнего возраста, а мужчины **не назначаются** (подч. Д. Ш.) к производству потомства раньше двадцати одного года или даже позже, если они имеют слабое телосложение" (стр. 157).

Допускаются исключения для особо пылких, но их совокупляют с бесплодными или беременными. Делают это по их просьбе или согласно начальственно-медицинским наблюдениям на уроках гимнастики, где мужчины и женщины упражняются обнаженными.

"Однако же разрешение исходит от главного начальника деторождения – опытного врача, подчиненного Правителю Любви" (стр. 157).

Совокупление с целью деторождения ничего не имеет общего с любовью и страстью. Личное отношение потенциальных родителей друг к другу просто не принимается в расчет.

"...если кто-нибудь страстно влюбится в женщину, то влюбленные могут и разговаривать и шутить, и дарить друг другу венки из цветов и листьев и подносить цветы. Однако, если это может быть опасно для потомства, совокупление им ни в коем случае не разрешается, кроме того случая, что женщина беременна[11] (чего и ждет мужчина) или же неплодна. Но, впрочем, любовь у них выражается скорее в дружбе, а не в пылком любовном вожделении" (стр. 161).

С чего бы это?

"...начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг к другу, а затем, и лишь после тщательного омовения, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь" (стр. 157).

Совокупляются в отдельных комнатах, постели готовят мальчики, мужчин впускает начальница. Час совокупления "определяется астрологом и врачом". Нужно не менее, чем трехдневное целомудренное (без поллюций) и примерное поведение, чтобы мужчине разрешили посетить предназначенную ему женщину.

"Что же касается тех, кто имеет сношение с неплодными, или с беременными, или с презренными женщинами **(есть и такие)** для удовольствия, или по необходимости, или по своей страстности, – они этих правил не соблюда-

[10] Дж. Орвелл, "1984-й год".

[11] От выделенного для нее производителя (Д. Ш.).

ют. Лица же должностные, которые все являются в то же время и священниками, а также и ученые-наставники могут быть производителями лишь при соблюдении в течение ряда дней многих условий, ибо от усиленных умственных занятий ослабевают у них жизненные силы, и мозг их не источает мужества, потому что они постоянно о чем-нибудь размышляют, и производят из-за этого худосочное потомство.

...и потому таких ученых сочетают с женщинами живыми, бойкими и красивыми. Людей же резких, быстрых, беспокойных и неистовых – с женщинами полными и кроткого нрава.

...все главное внимание должно быть сосредоточено на деторождении, и надо ценить природные качества производителей.

Ежели какая-нибудь женщина не понесет от одного мужчины, ее сочетают с другим; если же и тут она окажется неплодною, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом, как матрона, ни в Совете по деторождению, ни в храме, ни за столом. Это делается с той целью, чтобы ни одна не предотвращала сама беременности ради сладострастия" (стр. 158 – 159).

Можно было бы объяснить душевную грубость Кампанеллы временем создания его утопии (XVII век), если бы та же и более ранние эпохи не оставили нам утонченных гимнов любви во всех родах искусства: в музыке, в поэзии, в драматургии, в живописи, в скульптуре... По-видимому, мы имеет здесь дело с чертами не столько времени, сколько личности, над которой довлеет к тому же всеподчиняющая установка: человек – для общества, а не наоборот[12].

Дети воспитываются не родителями, а государством:

"Когда же они родят, то кормят сами и воспитывают новорожденных в особых общих помещениях; грудью кормят они два года или больше, в зависимости от предписания Физика[13]. Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если это девочка, или начальников, ежели это мальчик" (стр. 159).

Идея общественного, а не семейного воспитания детей очень популярна в социалистических учениях, включая марксизм.

В интересах здоровья младенцев Кампанелла, не предугадавший возможностей искусственного вскармливания, рискнул допустить такую аномалию, как двухлетняя и более близость матерей и младенцев. Зато он не раз подчеркивает, что с двух лет воспитание детей и юношества становится стерильно общественным и родители не имеют по отношению к своему потомству никаких прав и обязанностей.

* * *

У жителей города Солнца вроде бы "рабов... ...нет: они в полной мере обслуживают себя сами, и даже с избытком" (стр. 161). Но "рабов, захваченных на войне, они или продают, или употребляют либо на копанье рвов, либо на другие тяжелые работы вне города". (стр. 169). Таким образом, и эта утопия не обходится без рабского труда, да к тому же допускает работорговлю.

* * *

Подобно Мору, Кампанелла уделяет в своей утопии большое место описанию судебно-карательной системы города Солнца. Очевидно, и ему ясно, что столь жесткая и столь внешняя для человека регламентированность всей его жизни, вплоть до самых интимных ее сторон, не может происходить без принуждения, нарушений, протеста и кар.

В описании изобретенной Кампанеллой пенитенциарной системы сквозит некая извращенность, опять же настойчиво напоминающая антиутопию Орвелла: караемые должны от души, с благодарностью признать правоту карателей; каратели должны предавать осужденных казни с любовью и только с их собственного согласия. Так герои Орвелла в ходе чудовищных истязаний, которым их подвергали на следствии, должны были полюбить верховного правителя своей страны "Старшего брата".

"Все по отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства. Таким образом, все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами. К насильникам применяется смертная казнь или наказание – око за око, нос за нос, зуб за зуб и т. д., согласно закону возмездия, если преступление совершено сознательно и с заранее обдуманным намерением" (стр. 176).

"Письменного судопроизводства (того, что называется процессом) у них не ведется" (стр. 176). Ни о какой адвокатуре не упоминается, но обвинители имеются.

Осужденный "ответчик"[14] примиряется со своими обвинителями и свидетелями, как с

[12] Среди социализмов XX века ближе всего к евгенике Кампанеллы подошел немецкий (гитлеровский) национал-социализм.

[13] Следует понимать как физиолога, диетолога и санитарного врача (Д. Ш.).

[14] То есть обвиняемый? – Д. Ш.

врачами своей болезни, обнимая их, целуя и т. д.

Смертная казнь исполняется только руками народа, который убивает или побивает осужденного камнями, и первые удары наносят обвинитель и свидетели. Палачей и ликторов у них нет, дабы не осквернять государства. Иным дается право самим лишать себя жизни: тогда они обкладывают себя мешочками с порохом и, поджегши их, сгорают, причем присутствующие поощряют их умереть достойно. Все граждане при этом плачут и молят Бога смягчить свой гнев, скорбя о том, что дошли до необходимости отсечь загнивший член государства. Однако же виновного они убеждают и и уговаривают до тех пор, пока тот сам не согласится и не пожелает себе смертного приговора, а иначе он не может быть казнен. **Но если преступление совершено или против свободы государства, или против Бога, или против высших властей, то без всякого сострадания приговор выносится немедленно. И только такие преступники караются смертью"** (стр. 176 – 177. Подч. Д.Ш.).

А как же насильники, о которых сказано выше? Их тоже казнят. Однако есть разница: все осужденные могут апеллировать к верховному правителю – наместнику Солнца – о смягчении приговора или об оправдании. Преступников же политических казнят **немедленно.**

Из текста следует, что "свобода государства" и воля "высших властей" – это синонимы. Точно так же синонимичны воля божества (Солнца) и воля его наместника – верховного правителя государства. Беспощадно карая за преступления против государства, носители власти карают таким образом за преступления против себя. Впрочем, у приговоренного и тут есть возможность избежать казни – хорошо аргументированный донос на других преступников: "Повинный смерти" спасается только в том случае, если в преддверии казни он не только убедительно объясняет свои проступки, но и доказательно указывает "...проступки других, заслуживающие смерти, и преступления властей, приведя доказательства того. что они заслуживают еще более тяжкого наказания, ежели только он в этом уверен. И если доводы его окажутся убедительными, он сам отправляется в изгнание...

...Они ревностно следят, чтобы никто не оклеветал другого, так как ведь клеветник должен подвергнуться наказанию по закону возмездия. И **так как они всегда ходят и работают отрядами**, то для уличения преступника требуется пять свидетелей; иначе его отпускают под присягой и с предостережением. Если же он будет обвинен вторично или в третий раз при двух или трех свидетелях, то несет сугубое наказание" (стр. 177. Подч. Д. Ш.).

Итак, "...они всегда ходят и работают отрядами", чем исключается дефицит доносчиков.

Карается смертью и первый, обратившийся в бегство во время сражения; а "не исполнивший приказаний бросается в ров на растерзание диким зверям" (стр. 167).

На этом, пожалуй, прогулку по городу Солнца можно закончить и перейти к "Истории Севарамбов" Дени Вераса (1630 – 1700).

3. Еще одно государство Солнца.

Государство севарамбов, подобно городу Солнца, тоже королевство солнцепоклонников. Короли севарамбов и тут считаются наместниками Солнца на земле и поэтому называются вице-королями Солнца[15].

Севарамбы избавились от всех социальных зол и бед, сделав все свое национальное достояние собственностью государства, а не частных лиц или групп. От имени государства распоряжаются всем достоянием нации вице-короли севарамбов.

"Богатство и обладание собственностью вызывают большие контрасты в обществе, и от них ведут начало алчность, зависть, вымогательство и множество других болезней. Поэтому он отменил право собственности, лишил его частных лиц и пожелал, чтобы все земли и народные богатства принадлежали исключительно государству, **которое может ими неограниченно распоряжаться**, так чтобы его подданные могли получить лишь то, что им будет предоставлено должностными лицами. Таким образом, он совершенно изгнал страсть к наживе, оброки, налоги, голод и бедность, порождающие столько бедствий в различных государствах мира. Со времени установления этих законов все севарамбы богаты, хотя и не имеют никакой собственности... ...Если среди этого народа кому-нибудь понадобится что-либо необходимое для жизни, ему стоит лишь попросить это у должностного лица, и он всегда получит. Ему не приходится заботиться ни о питании, ни об одежде, ни о жилище в продолжение всей своей жизни, ни даже о содержании жены и детей, хотя бы их у него были сотни и тысячи. Государство заботится обо всем этом, не требуя ни податей, ни налогов, и весь народ... ...живет в счастливом довольстве и с обеспеченным отдыхом" (стр. 422 – 423. Подч. Д. Ш.).

Не напоминает ли это марксистский тезис грядущей бесплатности для народа различных

[15] Все цитаты по той же книге "Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Утопический роман XVI – XVII веков". ИХЛ, Москва, 1971.

социальных услуг в социалистическом обществе? Мысли о том, что все предоставляемые народу продукты или услуги требуют для своего производства затрат времени и труда, то есть имеют стоимость; что эту стоимость кто-то должен произвести; что государственный аппарат сам по себе подобных стоимостей не производит; что их так или иначе должны создавать сами потребители, Верасу чужды. Между тем для понимания этого не нужны никакие специальные знания (даже на уровне XVII века), а достаточно простого житейского здравого смысла.

Не возникает у авторов всех трех рассмотренных нами утопий и опасения, что должностные лица, обладающие столь широкими полномочиями, могут ими злоупотреблять. Это тем более вероятно, что всякое ослушание строжайше карается, а о таких вещах, как общественный контроль, гласность и оппозиция, ни в одной из этих утопий нет и речи. Мысль о потреблении, не зависящем от предшествующего ему производства, будучи выделенной в столь чистом виде, представляется абсурдной. Но она органично входит как в состав ряда социалистических (коммунистических в том числе) доктрин, так и в беззастенчиво вымогательскую политику нынешних монополистических профсоюзов свободных стран.

Всякая бесплатность услуг и благ (лечение, образование, транспортное и коммунальное обслуживание и т. д.) фиктивна, ибо на них расходуется оплачиваемая работа соответствующих специалистов, производятся затраты на обучение последних, на обслуживание и производство амортизирующихся при этом технических средств и пр. накладные расходы. Так или иначе, непосредственно или через какие-то формы налогообложения граждане оплачивают все услуги. Многие не понимают этого по сей день – в конце XX столетия.

Работать севарамбы должны, но отнюдь не из утилитарных соображений – не потому, что ничего не производящему или мало производящему обществу попросту нечего будет потреблять.

Безделье противопоказано севарамбам из чисто политических и нравственных соображений:

"...из опасения, чтобы они не возмутились в довольстве и в развлечениях или не размякли от безделья, Севариас пожелал дать работу всем своим подданным и держать их в бодром состоянии посредством труда полезного и умеренного..." с тем, чтобы все трудоспособные члены общества "работали по восемь часов в день и остальное время употребляли на дозволенные и пристойные развлечения или на сон и отдых" (стр. 423).

А если бы мудрый Севариас не предпринял этой воспитательно-профилактической меры, обитатели страны севарамбов разложились бы до совершенного неразумия – на полном довольствии у государства и в неизменном достатке.

Несколько замечаний позволят нам отчетливей представить себе законы, установленные вице-королями Солнца в Стране севарамбов. Вице-короли в разное время постановили:

"Изгнать праздность из страны, потому что она – мать пороков и источник ссор и беспорядка, и приучить детей к умению работать".

"Не занимать их пустыми и бесполезными искусствами, служащими лишь для роскоши..."

"Наказывать всякую невоздержанность, ибо она развращает тело и душу..."

Обучать молодежь обоего пола военному делу.

Детей сызмала приучать "к соблюдению законов и повиновению должностным лицам, **являющимся действительными отцами родины**" (стр. 424 – 427. Подч. Д. Ш.).

С семи лет "отец и мать целиком лишаются данной природою власти над детьми, сохраняя лишь любовь и уважение, и с этого момента дети становятся детьми государства", то есть его "должностных лиц, являющихся политическими отцами родины" (стр. 444–445. Подч. Д. Ш.).

"Действительные отцы родины", "политические отцы родины" – очень современная фразеология. В замечательной антиутопии братьев Стругацких "Обитаемый остров" в качестве правителей тоталитарного государства тоже фигурируют "неизвестные отцы".

Детям "политические отцы родины" должны быть дороже, чем родители, ибо не последние, а первые являются их "действительными отцами".

Государственный строй государства севарамбов "монархический, деспотический и гелиократический" (стр. 437).

"Это монархия, последовательная и деспотическая, с которой сочетается аристократия и демократия" (стр. 437).

Но аристократия как будто бы не наследственная: дети не перенимают ни званий, ни титулов, ни постов родителей. "Демократический централизм" монархии обеспечивается многоступенчатыми выборами. Даже вице-короли подвергаются жеребьевке. Тот, кому выпадет жребий царствовать, считается избранником самого Бога – Солнца, живительного начала вселенной. Правда, дети вице-короля от его десяти – двенадцати жен имеют некоторые социальные привилегии, но престола его они не наследуют.

Несмотря на то, что уничтожение частной собственности должно было, по замыслу короля Севариаса, уничтожить "все контрасты в обществе", "алчность, зависть, вымогатель-

ство и множество других болезней", в утопии Вераса, как и в двух предыдущих утопиях, все граждане государства равны, но некоторые намного "равнее", чем остальные:

"Должностные лица стоят выше народа, и обязанности их более почетны, чем у простых людей, поэтому они заслуживают большего вознаграждения, которое получают в зависимости от того положения, которое они занимают в республике" (стр. 438).

Почему "монархия, последовательная и деспотическая" оказывается вдруг республикой? Все из-за той же выборности правителей. Но важнее другое: выше было сказано, что любому севарамбу достаточно что-то попросить у должностного лица, и, будь у первого хоть сто домочадцев, хоть тысяча, он немедленно получит желаемое. Здесь же оказывается, что должностные лица снабжаются лучше других (в спецраспределителях?). При неравном снабжении необходимо уже нормирование и аппарат, его осуществляющий и контролирующий. Только при нефальсифицированном распределении по потребности, определяемой к тому же самим потребителем, а не какой-то иной инстанцией, можно обойтись без распределительного аппарата: приходи в кладовую и бери, что душе твоей пожелается...

У севарамбов же осуществляется распределение в зависимости от места потребителя в иерархии государственной власти, а для такого потребления нужны расчет, учет и контроль. Итак, "прежде всего они имеют власть и получают удовлетворение от оказываемого им повиновения. Закон разрешает им иметь больше жен, чем другим гражданам, и каждый из них имеет определенное число рабов. **Обычно они имеют лучшие жилища, лучшее питание и одежду, чем частные лица**" (стр. 438. Подч. Д. Ш.).

Опять рабы! Таким образом, утопическая монархия Вераса, "последовательная и деспотическая", она же и республика, как и обе предыдущие утопии, не обходится без рабства и рабского труда. Но откуда берутся в ней рабы, автор не сообщает.

Ее должностные лица могут подниматься по государственной служебной лестнице неограниченно высоко, но "...средства, которыми они пользуются для того, чтобы возвыситься, вполне законны и честны, в то время, как мы сплошь и рядом доходим до низостей и преступлений, чтобы выкарабкаться из бедности и темноты... Севарамбы же, **которым разрешены лишь благие поступки**, могут сохранить свое имущество и общественное положение постоянными добродетельными действиями, а детям своим оставляют в наследство лишь свой добрый пример для подражания" (стр. 439. Подч. Д. Ш.).

"...Тем, кто предназначен к путешествиям" – для сбора полезных сведений за рубежом, – специально преподают иностранные языки лица, побывавшие там ранее. Но примечательнее всего то, что севарамбы "не могут покинуть страну, не оставив, по крайней мере, троих детей, чтобы обеспечить свое возвращение" (стр. 448).

Как же поступят с детьми, если отцы не вернутся? Ведь дети с семи лет принадлежат не семье, а государству. И почему обитатели столь процветающей страны должны закрепляться за ней посредством системы заложничества? И в этой части своего рассказа писатель XVII столетия предвосхищает современную фразеологию вполне определенной окраски:

"...я ни разу не слышал, чтобы с тех пор, как был установлен этот обычай, хотя бы один человек **дезертировал** (подч. Д. Ш.) и остался жить в другом месте..." (стр. 448).

* * *

ЧИТАТЕЛЬ, ЕСЛИ БЫ ВЫ ОКАЗАЛИСЬ ПЕРЕД ВЫБОРОМ ОДНОЙ ИЗ ЭТИХ ТРЕХ УТОПИЙ, КАКУЮ БЫ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ ДЛЯ СЕБЯ И СВОИХ БЛИЗКИХ?

4. Утопии-оборотни.

Первый вывод, который приходит на ум при попытке обобщенно осмыслить группу европейских утопий, представленных в этих заметках лишь тремя примерами[16], состоит в том, что они далеко не утопичны в общепринятом значении этого слова. Они реалистичны не менее, чем прославленные антиутопии XX века – Замятина, Орвелла и других.

Мыслители, о которых шла речь выше, предложили миру самое разумное, на их взгляд, общественное устройство. Они полагали, что человечество было бы осчастливлено, осуществив его. Путей к нему они не искали, так как последнее не стало еще насущной задачей их дня: для начала надо́ было осмыслить и предложить миру цель, а не средства ее достижения.

Изменения предлагались всепроникающие и всеобъемлющие. Частная жизнь граждан и бытие общества должны были измениться решительно во всем. Перемены сопровождались исчезновением целых функциональных слоев народа (наследственной аристократии, буржуазии), отменой традиционных общественных институтов (частной собственности), перестройкой городов и жилищ, верований и

[16] Их много больше. При строгом подходе следовало бы начинать с античности, напомнив читателю, к примеру, идеальное государство Платона. Однако прославленные утопии Мора, Кампанеллы и Вераса достаточно ярко рекомендуют весь этот жанр.

систем отсчета. Государств, столь безоговорочно упорядоченных и приведенных к единообразию, как те, что грезились утопистам, на Земле не было. Но частичное сходство с книжными царствами законченной и всепроникающей организованности обнаруживается в некоторых рабовладельческих государствах и староазиатских кастовых деспотиях Древнего Средиземноморья, Ближнего Востока, Китая некоторых периодов его многовековой истории, а также в современных утопистам государствах Центральной и Южной Америки и Восточной Азии. Характерно, что источниками сведений в утопических романах неизменно оказываются морские путешественники, относящие местонахождение идеальных обществ к почти не исследованному тогда региону между Зондскими островами и Новым светом.

О том, что использование осужденных преступников на тяжких работах заимствовано им у древних римлян, Мор пишет сам, – так же, как и о влиянии "Государства" Платона на его идеалы. То же практиковалось и в Древнем Египте в периоды усиления централизации. Да и в современной утопистам Европе позднего средневековья каторжный труд на галерах, в каменоломнях и рудниках был достаточно распространенным явлением.

Поклонение Солнцу существовало в Древнем Египте, Вавилоне, в империи инков и у многих других народов. В Японии эпохи сегуната (современной Верасу) осуществлялся строжайший контроль над выездом граждан за границу – вплоть до запрета. Суровая регламентация передвижения внутри страны господствовала в Китае эпохи Цин. Бросали людей на растерзание хищным зверям древние римляне, древние вавилоняне и другие народы. Целенаправленное воспитание детей в полном или преимущественном отрыве от родителей тоже практиковалось в разных масштабах у различных народов, известных авторам европейских утопий. Создается неожиданное впечатление, что просвещенные мыслители эпохи становления конкурентного капитализма (становления гражданских свобод!) в Европе тяготели к некоей идеализации тех мощных, деспотически-стабильных режимов, после крушений коих большинство скованных ими народов уже не поднялись до полноценного государственного существования. Благодетельный и справедливый деспотизм, монархический или республиканский, – вот основа ранних европейских социальных утопий. Почему же деспотизм оказался столь привлекательным для просвещенных создателей и читателей этих книг?

Прочитанные нами утопии писались в тяжелые времена. Их авторами, людьми решительными и нетерпеливыми, в пору болезненного вхождения их стран в капитализм типа "lessez-fair"[17] двигало стремление предложить человечеству образцы обществ, лишенных вопиющих пороков современных им государств Европы: нищенства народа, бездомья, роста бродяжничества и преступности, ужасающего неравенства, праздности и жестокости меньшинства, произвола правящих и проч. Отталкиваясь от этих пороков со всей доступной живому уму силой воображения, реактивно идеализируя их антитезу, мыслители предусматривали в своих проектах уничтожение частной собственности – этого, по их убеждению, источника всех раздоров и смут; исключение неравенства для подавляющего большинства народа; всеобщую сытость и житейское благополучие; отсутствие праздности; непогрешимую справедливость правящих и, главное, абсолютную упорядоченность частного и общественного бытия, в котором все предусмотрено раз навсегда наилучшим образом. Стихийность и случайность из этого бытия исключены. В нем правит Порядок. А соблазн упорядоченного существования, не знающего неуверенности в завтрашнем дне, неожиданностей и коварных случайностей, извечно и по сей день чрезвычайно велик. Обещание создать "правильный", навечно очищенный от пороков строй, который будет существовать "до конца истории", не накапливая вопиющих противоречий, есть пленительная альтернатива непостоянной и несовершенной реальности. Даже недостатки утопий, будь они сразу же выявлены читателями, не испугали бы и не оттолкнули бы современников и ближайших потомков: ошибки Разума Разум же властен исправить. Неудачные детали плана следует заменить удачными или выбросить из проекта – только всего и дела. И жестокость утопического самоуправления не должна была отвращать от этих поучительных образцов читательскую элиту XVI – XVIII веков.

Современному читателю при чтении рассмотренных здесь книг сразу бросается в глаза **жестокость** кар, предусмотренная утопистами. Современникам Мора, Кампанеллы и Вераса и их ближайшим потомкам должна была бросаться в глаза прежде всего не жестокость, а справедливость кар и поощрений, господствующая в утопиях. Ибо в их времена бесчеловечные кары были слишком часто еще и несправедливыми, а баснословные выигрыши (преимущества рождения или богатства), так же, как и несчастья (низкое происхождение и положение в обществе, внезапные разорения и опалы), выпадали на долю людей случайно, то есть незаслуженно.

Существует еще одна причина того, почему утописты XVI – XVIII веков не отпугивали, а привлекали просвещенных читателей своего и

[17]Полностью независимый конкурентный капитализм.

последующего времен. Эти учения не были учениями для масс. Они не содержали практических рецептов своего построения, и из них еще не делались упрощенные лозунговые извлечения для простонародья. Последнее стало обыкновением политических деятелей и учений определенного типа в конце XVIII и особенно во второй половине XIX столетия, достигнув апогея в XX веке. Впрочем, может быть, апогей еще впереди?.. Сочинения же, о которых говорится здесь, писались интеллектуалами для интеллектуалов. И поскольку о каждом из рассмотренных тут обществ заранее сказано, что оно возглавляется лучшими его гражданами, в том числе учеными, то читатели, не без оснований видевшие в себе лучших людей своего времени, могли не пугаться ни жестокостей представленного в утопиях управления, ни его частных ошибок и отдельных несовершенств. Согласно замыслам авторов, поставивших во главе утопических обществ их интеллектуальную и нравственную элиту, такие читатели были бы властны исправить все ошибки и несовершенства утопий по своему усмотрению. Чужая несвобода их не пугала, ибо несвободные пребывали бы в их воле, а они твердо намеревались использовать свои полномочия и сравнительную бесправность других людей во всеобщее благо. Заметьте, что в утопических государствах очень мало законов. У Мора прямо оговорено отсутствие юридической процедуры, хотя, казалось бы, Мор, лорд-канцлер Англии XVI века, то есть верховный судья страны, должен был понимать, каково значение четко выраженного судебного права. Но нет: утопийцев судят не на основании хорошо разработанного уголовно-процессуального кодекса, а на основании правосознания высоконравственных судей. Это прямо перекликается с "социалистическим правосознанием" советской юстиции. И там, и здесь сознанию судей, то есть их произволу, придается большее значение, чем законодательству. И это кажется Мору само собой разумеющимся: ведь судить будут лучшие люди общества, достойнейшие сыны отечества. Чего же было бояться? Вопрос о том, что считать и что не считать преступлением, подлежащим каре, тоже был бы в их воле, а значит, мог бы со временем гуманизироваться.

Поставив над обществом лишь малую часть его лучших, избранных граждан и сделав полностью бесправными только рабов и преступников, авторы утопий предусмотрели для подавляющего большинства населения полное равенство.

Лучшие люди всех времен и народов испокон веков грезят всеобщим равенством. Однако в рассмотренных здесь утопиях равенство понимается не только как равноправие или равнобесправие, но и как **одинаковость большинства**. Одинаковость есть, по убеждению утопистов, высшая, абсолютная форма равенства, а значит, и справедливости, предел того и другого. Одно только юридическое равенство прав, дарованное неравным по природе людям, не приводит их к одинаковости и к равновеликим выигрышам и проигрышам. Равенство юридических прав есть, по сути, лишь равенство спортивных попыток. Оно развивает и сходные, и различные черты индивидуумов, оберегая их природную и обретенную в жизни неодинаковость.

Утопии же стремятся к иному равенству – не к равноправию, а к всепроникающей равнокачественности людей, к одинаковости их труда, поведения, поступков и свойств, а главное – их обеспеченности житейскими благами. Здесь все и во всех отношениях законодательно приближаются к некоей усредненной абстрактной норме. И этот предельный идеал равноправия – абсолют одинаковости – есть тоже, подобно стабильности утопийского быта, идеал реактивный – альтернатива неравенству в окружающей жизни. И, подобно устойчивости же, он остается соблазнительным для людей по сей день.

Разумеется, одинаковости существ, органически друг другу неравных, достичь нельзя. В этом утопии остаются утопиями. Но возможно правление, имеющее своей целью максимальное приближение если не качеств большинства своих подданных, то хотя бы их взглядов и поведения к такой одинаковости, движимое тенденцией ее достичь, – и в этом утопии не утопичны. Зато они глубоко заблуждаются, надеясь принести посредством такого равенства счастье людям. Уже одно только приближение к одинаковости субъектов неравных и неуравнимых по своей природе не может достигаться иначе, как посредством жесточайшей ломки естественных движений их душ и перестройки их естественного поведения.

Исторически наиболее полно (но не полностью!) одинаковость бытия большинства (но не всех!) соузников достигается в концлагерях и в тюрьмах – в тоталитарных "малых зонах".

Все "большие зоны" в процессе унификации бытия и воззрений своих подданных проходят через эпохи истребительного "большого террора", никогда не отказываясь от принуждения и в сравнительно вегетарианские периоды своего существования.

Авторы утопий предчувствуют, что в их государствах человеческий материал будет сопротивляться процессу его стандартизации. Поэтому такое большое место занимают в их сочинениях описания карательных систем. Отсюда же заботы их правителей о предупреждении "дезертирства" из страны за границу.

Соответствует неизбежному ходу событий и

то, что, несмотря на проповедь уравнительности, структура всех рассмотренных нами утопических государств сугубо иерархична.

Невозможность (в масштабах современного им государства) чисто общинного самоуправления с равномерно распределенной между всеми гражданами инициативой и ответственностью ясна и Платону, и утопистам XVI – XVII веков[18]. И как только выстраивается в их сочинениях строго централизованный аппарат управления, общество попадает в полную и безысходную от него зависимость, отчетливо декларируемую сочинителями утопий, ибо никаких механизмов общественного контроля над правителями в утопиях нет.

Оппозиция, стремящаяся предложить обществу какую-то иную, не исходящую от государственной власти, программу поведения или систему взглядов, в картине утопических "новых миров" не только не легализована, но и объявлена государственным преступлением. Характерно, что о воспитании и наказаниях, долженствующих предупредить или покарать оппозиционность, не забыто ни в одной из утопий. Значит, возмущения против властей предусмотрены, но предусмотрены и меры их предупреждения, и меры возмездия за них. И в этом все эти три утопии являются не фантазиями, а прототипами реального "демократического централизма".

Иначе и быть не может. Во-первых, оппозиция есть нарушение одинаковости – угроза тому, что утописты принимают за равенство и социальную справедливость. Во-вторых, утописты воссоздают в своих моделях заведомо совершенное, на их взгляд, общество (лучшее из существующих и **лучшее из возможных**). Всякая оппозиция может его только ухудшить, ибо явится отступлением от идеала: совершенство невозможно улучшить. Поэтому предусмотрено абсолютное единодушие. Концлагерный опыт, сталинизм, маоизм, Камбоджа времен "красных кхмеров" и все, что к ним тяготеет, а также миры антиутопий XX века не превышают в своей бесчеловечной продуманности той меры **заботы о несвободе**, которой грезят великие утописты.

* * *

Есть зловещее сходство между авторами утопий и их преемниками – революционерами-утопистами. Сочинители глубочайше уверены в объективной благости принуждения, царящего в их идеальных обществах. У них нет сомнения в справедливости кар и поощрений, которые будут исходить от лучших сынов отечества, "являющихся политическими отцами родины" (Верас). Революционеры же воображают "действительными отцами родины" себя самих. Они крушат и ломают сложившееся бытие государств и обществ и лепят новое с маниакальной уверенностью в своем праве так поступать. Им удается разрушить старое и внедрить в жизнь ряд черт утопий: отсутствие частной собственности, единственность мировоззрения, ступенчатый централизм, культ господствующих общественных отношений, жесточайшее принуждение соблюдать последние. Но людям становится от этого не хорошо, а плохо. И все сознательные механизмы общества, удовлетворяющие его материальные и духовные потребности, работают не лучше, а хуже, чем раньше. Казалось бы, тут и приходит время "отцам родины" усомниться в своей правоте (в правоте исходных утопий) и сознательно введенное сознательно и отменить же. С точки зрения рациональной, самое время вернуться к исходной позиции и попытаться осчастливливать общество не столь безудержно, предоставив ему самостоятельно искать своей пользы. Но со сложившимся образом жизни уже срослись огромные контингенты людей – диктаторы и их аппараты. Их исключительные права и преимущества решительно неотделимы от возникшего строя. Они уничтожают маниакальных идеалистов и, отходя все дальше от утопической цели – всеобщего принудительно вводимого блага, – неотвратимо нагнетают насилие. Сохраниться со всеми их исключительными привилегиями, не сохраняя построенного ими правопорядка, они не могут, ибо ни при каких других обстоятельствах им не будет в обществе такого места. Терпеть же этот правопорядок без принуждения никакой народ долго не станет.

Ведь стремясь к упорядоченности, правильности и прочности, что и толкает его в объятия социал-утопистов, человек в то же время мыслит правильность и упорядоченность, исходя **из своих, а не из чьих-то** критериев блага и целесообразности. У одних людей есть своя точка зрения и в неких сложных и высоких вопросах бытия; критерии других объемлют лишь различные уровни быта – от сугубо личного до общественного. Но в тех областях действия и существования, которые для человека важны, у него есть обычно органически **свой** критерий. Не признавать за личностями и группами права на собственные критерии блага и целесообразности означает рассматривать людей как детали машины, работающей только по замыслу ее оператора. Собственные ("личные") свойства деталей занимают оператора только в меру их роли в работе целого, то есть всей машины. Целей, не совпадающих с целями оператора, ни у деталей, ни у машины нет. Наиболее надежная форма отнятия у людей права на собственную

[18] Зато она не ясна Марксу и Энгельсу, предусмотревшим для своего коммунизма безгосударственное и уравнительное самоуправление "ассоциированных производителей".

цель и систему ценностей – их умерщвление. Но и ограбление человека и общества посредством лишения их права на независимое миропонимание подобно убийству. В итоге такого акта живое превращается в нечто машиноподобное, то есть неживое, хотя и не умершее.

Несомненно, общество и государство должны ставить узаконенные, подлежащие обсуждению и коррекции пределы своеволию лиц и групп. Но в удовлетворительно организованном обществе речь может идти о нейтрализации лишь таких притязаний, которые угрожают покою, свободе, достоинству и благополучию других лиц.

Последовательная демократия позволяет любому члену общества идти в артель или кибуц и жить коммунально и уравнительно, или наниматься на оплачиваемую работу, или завести собственное дело и броситься в коварный океан конкурентного рынка. Свободное общество организует себя само, изнутри, посредством выбора (из множества конкурирующих) наиболее притягательных для него программ, руководителей и систем отсчета. Конечно, и здесь существует никогда не исчезающая угроза: неправильный выбор, слепота выбирающих и выбираемых. Но это их риск, и они расплачиваются за ошибки как существа, наделенные волей и разумом, то есть отвечающие за свои поступки. Вселенная и создана как самоорганизующаяся система, состоящая из самоорганизующихся подсистем; и все живое в ней наделено свойством отбора, а на высших ступенях животного мира – свойством выбора (животные – инстинктивного, человек – сознательного). А то, что выбор во множестве случаев приводит к некоему необратимому результату, – тут уж ничего не поделаешь. Надо учиться выбирать лучше и созидать осмотрительней.

Авторы же централистских утопий понимают упорядоченность и совершенство идеального социума как подчинение всего человеческого материала единой мере, а значит, и единому центру, ее продуцирующему. Может ли эта мера включить в себя и критерии всех тех, кто должен ей следовать? Нет, не может. Для того, чтобы внеконкурентная власть при построении своего мерила учитывала критерии всех своих подданных, она должна их **по каждому серьезному поводу** узнавать, исследовать, оценивать и либо использовать, либо доказательно отвергать. Это не под силу никакой посюсторонней власти. Невольно и неизбежно сила, взявшаяся всепроникающе и всеобъемлюще упорядочить существование человека и общества, действует, руководствуясь только своими критериями. Ибо критерии всех или большинства ее подданных для нее объективно непознаваемы.

Но и ее собственные критерии ненадежны: они недостаточно обоснованы. У этой всеобъемлющей власти для построения надежных критериев нет и не может быть достаточно полных сведений о системе "общество". Внешние и внутренние взаимосвязи и характеристики, определяющие эту систему и ее перспективы, подвижны, изменчивы и в любой момент времени практически бесконечны по своему количеству. Их нельзя своевременно познать, проанализировать и превратить в команды и коррективы.

Государства, стремящиеся своевольно упорядочить в обществе абсолютно все, не управляют эффективно почти ничем. Отчаявшись добиться единого всепроникающего порядка от огромного, непрерывно струящегося во всех своих частицах и связях социального космоса, правители таких государств начинают поневоле стремиться лишь к сохранению возникшей структуры и своего в ней места, используя в этих целях все ресурсы подвластного общества. Как уже было сказано, все альтернативы такого поведения чреваты для них принципиальным изменением строя, который дает правителям и их аппаратам необъятную власть и все с ней связанное. Мы знаем по опыту, как маловероятна готовность тоталитарных властителей к отказу от этих преимуществ. Пока что они везде любыми доступными для них средствами сохраняют свой статус единственной правомочной силы в системе.

* * *

Когда-то чтение централистских утопий вовлекало нетерпеливых человеколюбцев в заманчивые размышления о раз навсегда упорядоченном, правильном, то есть справедливо организованном обществе. Сегодня миры раннеевропейских утопий в такой же мере, как и миры современных литературных антиутопий, пугают вдумчивого читателя угрожающим сходством с деспотиями древности, друг с другом и с государственным опытом социализма XX века. Я перечитываю последнюю фразу и обнаруживаю в ней терминологическую несообразность: ведь утопии неосуществимы по определению, а мы обнаруживаем в них прототипы реальных обществ. Не отнести ли нам к некоему иному жанру произведения Мора, Кампанеллы и Вераса?

Этимологическое несоответствие пронизывает еще два термина, с которыми справедливо связывают рассмотренные здесь сочинения утопистов XVI – XVII веков: социализм и коммунизм. По первоначальному замыслу их создателей эти термины были связаны со словами "общество" и "община". Воля всех членов общества и общины должна была при социализме или коммунизме (в истоках это были синонимы) реализоваться полно и непосредственно.

Но и в сочинениях, предлагающих человечеству социализм-коммунизм, и в режимах, называющих себя социалистическими по структуре и националистическими или коммунистическими по идеологии, реализуется не воля всех членов общества или общины, а воля государства, не связанного никакими ограничениями со стороны его подданных. Если предполагать за социализмом и коммунизмом их первоначальный этимологический смысл, то, действительно, как пишет Е. Наклеушев[19], окажется, что к социализму гораздо ближе США, чем СССР. Там "обществоправство" и коммунальность осуществляются куда полнее, чем в СССР и других "соцстранах".

Здесь мы сталкиваемся с распространенным языковым явлением – с возникновением новой семантики термина. У этих двух терминов есть исходная этимология, с которой связан их первоначальный смысл. Однако у долгоживущих слов нередко появляется историческая биография, которая меняет их первоначальное значение порой до неузнаваемости.

В семантически безобидных случаях мы такой эволюции терминов и не замечаем. Но иногда их историческая трансформация приводит ко множеству недоразумений и к жестокой полемике. Термины "утопия", "социализм", "национал-социализм", "коммунизм" прошли за долгие годы своего литературно-исторического существования сложную смысловую эволюцию. Они прочно слились с определенными учениями, течениями и режимами. Есть ли смысл производить в данном случае над языком операцию обратного движения этих слов к их грамматическим корням, игнорируя их историческую жизнь? Ведь в других случаях мы такой операции над словами, изменившими свой первоначальный смысл, не производим! Затеяв такую работу, мы вынуждены были бы систематически переназывать уйму вещей, имеющих, по нынешним нашим представлениям, названия, несообразные их существу.

Важно не то, какие представления вставали за долгоживущими словами в пору их рождения, а то, какие представления привычно встают за ними сейчас. Если нам возразят, что на самом деле коммунизм и социализм означают некие очень хорошие вещи, а не ту отталкивающую реальность, которую сегодня принято так называть, мы ответим, что в силу ряда неотвратимых причин все попытки построить эти очень хорошие вещи приводят к созданию все той же плохой реальности. Термины "коммунизм" и "социализм" связаны с этой отталкивающей реальностью как попытка с ее неизменным воплощением в жизнь.

Что же касается до утопизма учений, которые принято называть утопиями, то и этот утопизм в определенном смысле несомненен: предсказав достаточно реалистические в некоторых своих чертах структуры, утопии обманулись в их качествах, приняв ад за рай.

Если же имеются примерно равные основания изменять или не изменять привычному словоупотреблению (и вообще чему-то привычному), то лучше не становиться революционерами и не изменять.

[19] "Что такое социализм?" "Время и Мы" №63 (1982).

А. КОГАН

КРОЛИКИ, УДАВ И ГЕОПОЛИТИКА

Советский Союз не собирается уходить из Афганистана. Несмотря на сообщения о плачевном состоянии экспедиционного корпуса, возводятся кварталы для семей офицеров, расширяется транспортная сеть (легче контролировать территорию), совершенствуется техника карательных операций.

Но о самом главном стыдливо умалчивает западная пресса: в южной части Афганистана возводятся стратегические базы Советской Армии.

Для чего могут понадобиться Союзу базы и аэродромы в такой глухомани? На юге Афганистана почти нет повстанцев – они сосредоточены в горах, в центральной и северной частях страны, да и не нужны стратегические базы против партизан. Причина тут другая: Советский Союз оказался вблизи от "нефтяной бочки" Запада – Персидского залива. Жизненно важная артерия оказалась в радиусе действия советских стратегических ВВС, базирующихся на аэродромах в южном Афганистане, а, как известно, достаточно потопить два-три супертанкера в Ормузском проливе, чтобы закупорить все нефтеналивные порты Кувейта, Ирана, Ирака и арабских эмиратов, поставляющих Европе и Японии большую часть потребляемой ими нефти, а значит, и бензина, без которых невозможна современная война.

С аэродромов в Афганистане бомбардировщики "МИГ-27" и "Сухой-22" смогут за сутки уничтожить нефтехранилища и нефтеперерабатывающие предприятия Саудовской Аравии, Омана и Бахрейна, традиционных поставщиков Запада, с тем, чтобы остальные сами сделали свои выводы.

Юго-западная часть Аравийского моря, Баб-эль-Мандебский пролив, ведущий из Индийского океана к Суэцкому каналу, эффективно контролируются советской эскадрой, базиру-

ющейся в Адене (НДРЮЙ) и на острове Сокотра, и авиацией с аэродромов в Южном Йемене и в Эфиопии.

Марксистская Эфиопия ведет упорную борьбу за овладение Эритреей, прилегающей к Красному морю, и время от времени "испытывает на прочность" армию Сомали, с тем, чтобы установить свою гегемонию в этом районе – и дать своим советским хозяевам неограниченный контроль над морскими коммуникациями в этой части Индийского океана.

Подробный разбор геополитической ситуации показывает, что аналогичное положение сложилось и на другом конце Восточного полушария, и опять в стратегически важном узле морских коммуникаций. Советский Союз непрерывно усиливает свои базы во Вьетнаме и собирается строить глубоководный порт в Дананге. Контроль над Южно-Китайским морем ставит под угрозу индонезийскую нефть (для Японии), прозападный режим Маркоса на Филиппинах, благополучие Гонконга и Сингапура и усиливает изоляцию Тайваня.

В Африке СССР успешно отрезает ЮАР от связи с Западом, развивая давление на Намибию из Анголы и на ЮАР из Мозамбика (две марксистские страны, порабощенные с помощью Кубы).

Ангола – это "вилка", такая же, как Афганистан. Захватив Афганистан, СССР угрожает Пакистану, Ирану и странам Персидского залива. Кубинский экспедиционный корпус в Анголе (20 тысяч военнослужащих) может быть использован на юге с целью захвата сказочных природных ресурсов Намибии и ЮАР или на северо-востоке – для захвата провинции Заира Шабы (Катанги), настоящей "минеральной кладовой" Запада. Левые силы в Африке неоднократно уже пытались оторвать от Заира эту провинцию, начиная с конца 1950-х гг.

В отличие от СССР, почти полностью обеспечивающего себя жизненно важными стратегическими материалами, такими, как титан, кобальт, свинец и т. п., США, Западная Европа и Япония чрезвычайно зависят от поставок стратегических материалов из стран Африки. В списке, опубликованном американским Бюро ресурсов, указаны около сотни сырьевых минералов, восемьдесят или более процентов которых ввозятся из-за границы. А без этого сырья производство вооружения невозможно. По многим его видам США и другие страны Запада не имеют стратегических запасов даже на первые два-три месяца войны, а это означает, что фронт вскоре после ее начала не сможет получать новые пушки, ракеты, танки, самолеты и т. п.

Таким образом, Советский Союз, имея колоссальное преимущество в конвенциональных видах вооружения, сможет навязать Западу конфронтацию на двух-трех локальных участках, без применения ядерного оружия и без войны в Европе. Последняя должна, по советскому сценарию, упасть, как спелая груша, – стоит лишь слегка потрясти дерево. Кремль был бы совсем не прочь заставить работать на себя экономический потенциал ФРГ, Италии и Франции. Зачем стрелять, когда благоразумные европейцы сами поймут, что не выстоят без нефтепродуктов и металлов?

В такой ситуации, казалось бы, США должны позаботиться о подготовке позиций для столкновения с СССР в Африке и в районе Персидского залива, а возможно, и в Юго-Западной или Юго-Восточной Азии. Но куда там!

"Нью-Йорк Таймс" нажимает на Белый Дом, предлагая, чтобы в Намибии были проведены выборы под эгидой ООН. Результаты их предрешены. Путем террора и подкупа к власти неизбежно придет промосковская "СВАПО", тренируемая кубинцами и немцами из ГДР.

Либеральный эстеблишмент давит на Рейгана, добиваясь ограничения связей с Тайванем до минимума. В этом его поддерживает, как всегда, и большой бизнес. Они хотят повторить с Пекином свой "московский роман" 1970-х годов. Расплачиваться-то будет все равно американский налогоплательщик, как путем субсидирования долгосрочных кредитов, так и финансированием больших затрат на оборону, когда Китай, благодаря западной технологии, увеличит свою военную мощь, как это сделал за последние пятнадцать лет СССР. Прибыли от разработки нового вооружения и продажи его армии опять положат в карман рокфеллеры и другие "архитекторы разрядки".

Радикалы из госдепартамента вели переговоры с Мао Цзе-Дуном. От Чан Кай-Ши требовали лишь одного: уступок и прекращения огня. Вьетнамская трагедия, оказывается, была лишь повторением китайской, за тридцать лет до этого.

Лишенный вооружения и ассигнований, Чан Кай-Ши не смог сопротивляться вооруженным до зубов армиям Мао Цзе-Дуна, и Китай был завоеван – при тайной поддержке Вашингтона.

Когда адмирал Дуглас Мак-Артур предоставил Соединенным Штатам отыграться, разбив северокорейские и китайские войска (при отчаянном соотношении сил против Америки), он был отозван из армии и выгнан с позором. Он посмел освобождать Корею – а может, и Китай от коммунизма. Такую наглость ему не простили.

В 1960 году Дж. Кеннеди объявил, что посылать американских солдат против "маленькой и слабой Кубы – незаконно и аморально". Вместо этого был послан отряд эмигрантов – 300 человек против всей кубинской армии.

Если бы ослепительный Кеннеди хоть немного занимался историей, а не только моралью, он бы знал, что подобная операция албанских повстанцев в 1946 году закончилась таким же провалом, как и высадка на Плайа Хирон. Но Кеннеди не обратился к истории. Войска Кастро перебили всех участвовавших в десанте кубинцев-эмигрантов, как кроликов.

Документы того времени показывают, что многие помощники Кеннеди в Белом Доме и Совете национальной безопасности видели в Кастро ловко подброшенный им муляж "представителя новых сил", "борца за справедливость" и приписывали ему прочие качества из "морального кодекса строителей коммунизма". К сожалению, многие из этих помощников и им подобные до сих пор определяют лицо американской внешней политики, а коммунистическое проникновение под различными личинами продолжается.

Из Вьетнама американцы вышли, вернее, выползли, с глубоким убеждением, что международные конфликты нельзя решать с помощью силы. Почему? Объяснений нет...

Снежный ком продолжал катиться. Эфиопия и Ангола вслед за Лаосом и Камбоджей. Был предан шах. Картеровский эмиссар потребовал от него отречения от престола и бегства – после тридцати лет неизменной ориентации Ирана на дружбу с Западом.

Американские "маринс" не смогли защитить здание посольства в Тегеране от дюжины мусульманских "студентов" с несколькими пистолетами, а американская армия не ударила пальцем о палец, когда советские танки с ревом выкатывались из "Антеев" в кабульском аэропорту.

Затем настала очередь Никарагуа. Картер поддерживал марксистов-сандинистов против старого протеже США – Сомосы. Вскоре после их победы метастазы ползучей коммунистической агрессии проникли в Сальвадор. Вашингтон долго не мог решиться помочь центристскому демократическому правительству этой страны против коммунистических вооруженных шаек, и сегодня помощь США правительству Сальвадора далеко не достаточна.

Картер успел объявить о планируемом им выводе американских войск из Южной Кореи и практически наложил эмбарго на поставки оборонительного вооружения Тайваню.

Американское руководство больше всего на свете боится вооруженного конфликта с Советским Союзом. Оно знает, что народ США не готов воевать – ни за чужую, ни даже за свою собственную свободу. Ведь сегодня это воистину "наша и ваша свобода".

История американских вмешательств в различные политические конфликты и локальные войны доказывает, что еще ни одна администрация не смогла разработать стратегию эффективной борьбы с коммунизмом. Нет никаких причин считать, что положение изменилось за последнее время, и это увеличивает притягательную силу военных решений для Андропова и К°.

Новые разговоры о "желании вернуться к разрядке", равно как и о "либерализме" Андропова, – превосходная политическая завеса для подготовки новых ударов против Запада.

"Советская внешняя политика останется без изменений", – заявил без обиняков новый хозяин.

Не говорите потом, кролики, что удав вас не предупреждал. Это вы сами придумали, что он стал вегетарианцем.

Печатается в порядке дискуссии.

Е. КАРМАЗИН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(По страницам зарубежных журналов)

От редакции: Мы несогласны с мыслью автора, что при системе социализма, то есть удушения личной инициативы, можно значительно улучшить положение населения, если не тратить миллиарды на сверхвооружение и разжигание революций во всех концах мира. Не говоря о том, что режим иначе действовать не может, нигде удушение личной хозяйственной инициативы и тотально плановое хозяйство не давали и не могут дать сколько-нибудь удовлетворительных результатов. Тому имеются фундаментальные системные причины, детально рассмотренные рядом авторов.

В последнее время "Посев" и "Внутренние противоречия в СССР" (изд. Чалидзе, Нью-Йорк) поместили ряд капитальных статей о практических сторонах советской экономики. Следует приветствовать эту инициативу, т. к. до сих пор эти проблемы изучались поверхностно и слабо, о чем мне не раз приходилось писать на страницах нашего журнала.

На этот раз "Посев" предпринял квалифицированное рассмотрение советской экономической практики и начал его статьей Елагина "Уроки неудавшихся реформ" ("Посев" №8, 1981). Н. Елагин справедливо указывает, что любые рассуждения о возможности экономических изменений в СССР "необходимо предварить тщательным анализом объективного экономического механизма хозяйства".

Оставляя в стороне теоретические анализы

западных советологов, Н. Елагин правильно начинает изложение с экономических реформ в послесталинские времена. Здесь он, однако, совершает ошибку, утверждая, что экономические реформы проводились в 1954 – 56, 1957, 1965 и 1973 годах. На самом деле реформы были в 1965 г. и – это не упомянуто автором – в 1979 г. Что имеет в виду автор под остальными реформами, – для читателя остается загадкой. Н. Елагин правильно указывает, что знаменитая реформа 1965 года была задумана еще Хрущевым, но он успел лишь подготовить ее. К этому я должен добавить малоизвестный факт: уже в декабре 1964 года, через два месяца после свержения Хрущева, был принят первый вариант реформы под названием "система прямых связей" и внедрен в виде опыта на 400 предприятиях разных отраслей страны (мне пришлось работать на одном из таких предприятий).

Н. Елагин правильно описывает недостатки прежнего показателя – валовой продукции, т. к. он давал возможность производить "на склад" не пользующуюся спросом продукцию и делал невыгодным производство изделий из дешевых материалов. Но автор неправильно указывает, что вал можно было увеличить за счет незавершенного производства, которое резко возрастало в конце месяца, когда план часто "горит" и его надо спасать любой ценой. На деле эта сталинская окаменелость была отменена еще в 1961 году, когда специальным добавлением к инструкции – и вопреки всем теоретическим догмам – было запрещено включать в вал незавершенное производство.

Н. Елагин не вполне точно описывает реформу, указывая, что были введены показатели реализации (т. е. продукции, реально проданной и оплаченной заказчиком), или **вместо нее** прибыли, а также рентабельности (прибыль, деленная на стоимость основных и оборотных фондов, т. е. зданий, станков и запасов материалов). На деле реформа предусмотрела пять обязательных показателей – реализация, прибыль, номенклатура (продукция в натуральном выражении), рентабельность и фонд зарплаты, к которым в 1969 г. были добавлены еще два – производительность труда и средняя зарплата, а в 1977 г. – поставка продукции по договорам. Вероятно, Н. Елагин описывает реформу по основному постановлению, в то время как реальные формы она обрела в положении о премировании (это и был единственный двигатель реформы).

Автор впервые в печати объясняет причины введения показателя рентабельности: вышестоящие органы хотели иметь сравнение эффективности производства на разных заводах, учитывая, что они имеют оборудование разной ценности и производительности. Разумеется, этот теоретически надуманный показатель оказался мертворожденным и был позже отменен, т. к. стоимость зданий и оборудования была не в силах выразить их эффективность, а прибыль от разных изделий не могла доказать прогрессивность технологии. Автор полагает, что рентабельность должна была повысить фондоотдачу (выпуск продукции на 1 рубль основных фондов, т. е. зданий и оборудования) и способствовать экономии сырья. Но с фондоотдачей не вышло ровно ничего, т. к. в условиях быстрого роста цен на новые станки – это показатель вполне бессмысленный. По поводу же экономии сырья – автор просто ошибается: рентабельность имела в виду сократить **запасы** сырья (что не удалось в связи с традиционно неустойчивым снабжением), экономия же сырья могла отражаться лишь в прибыли (и себестоимости).

Н. Елагин правильно указывает, что авторы реформы придавали большое значение системе поощрений, но ошибается вместе с авторами реформы, полагая, что фонды материального стимулирования соцкультмероприятий и развития производства могли иметь какое-либо значение. Стимулы задавались только положением о премировании, а сложная система трех фондов оказывала влияние только на бумаге и в пропагандистских статьях.

Много места автор уделяет недостаткам системы, не устраненным реформой 1965 года. Он справедливо указывает, что реализация сохранила один из недостатков вала – она включала в себя стоимость материалов и этим стимулировала выпуск наименее трудоемких изделий (автор забывает добавить: в жестоких рамках плановой номенклатуры изделий!). Однако реформа 1979 года закрыла эту возможность и ввела "чистую продукцию" (т. е. стоимость продукции за вычетом материалов). Странно, что Н. Елагин не только не изучает влияния этого показателя, но даже не употребляет официального термина "чистая продукция" и не ссылается на реформу 1979 года, ограничиваясь невнятным указанием на некую "добавленную" стоимость. (Уж не изучал ли он эту реформу с английского?)

С хорошим знанием дела Н. Елагин описывает процесс разработки плана в советской промышленности. Проект плана сначала спускается из Госплана через министерства на предприятия и затем, после "длительных переговоров, уступок и поправок", поступает на утверждение. Затем уже не проект, а план начинает движение вниз, во время которого он, по крайней мере, дважды "развертывается" на миллионы изделий. Однако здесь у автора существенная неточность: развертывание происходит, по меньшей мере, трижды – в министерстве, главке и на предприятии (по разнарядке заказчика). Вероятно, поэтому автор неверно оценивает описываемую им эффект-

ную историю, когда предприятия взамен дефицитных и трудоемких чайников начали изготовлять никому не нужные штампованные детские ванночки. Здесь достаточно было одного росчерка пера в главке, чтобы "развернуть" чайники отдельной строкой и прекратить этим возмущение в торговых организациях. Кроме того, в условиях системы реализации никакая сила не могла заставить торговлю оплатить счета заводов за непродающиеся ванночки (стандартная формула отказа: товар не заказан).

Далее Н. Елагин описывает лазейки и нарушения реформы, но в этом с ним нельзя согласиться. Он указывает, что предприятия могли увеличивать выпуск продукции за счет увеличения числа рабочих. Но в этом нет ничего плохого, раз выпуск товаров реально растет, – это не лазейка. Когда же в стране обострился дефицит рабочей силы, специальным постановлением этот путь был практически закрыт ("Экономическая газета" №3, 1982 г.). Затем автор отмечает, что предприятия, уличенные в искусственном взвинчивании цен, были обязаны внести "несправедливую" прибыль в государственный бюджет, а отклонения от запланированного ассортимента стали строго преследоваться, и считает, что "все эти меры подрывали, разумеется, основные принципы реформы!". Вот уж это вовсе не "разумеется". Наоборот, реформа, главными контрольными показателями которой с самого начала были номенклатура и жесткая система цен (Комитет цен был создан впервые в 1965 г.), как раз тут и показала свою действенность.

Вероятно, здесь, в оценке реформы, у Н. Елагина проявилось влияние теоретических оценок западных ученых, которые не могут знать практических методов советской экономики, т. к. в научных статьях они не описаны, а язык специальных инструкций науке пока недоступен. Поэтому приводимые Н. Елагиным цитаты ничего не доказывают. Проф. Ян Адам считает, что "главной причиной неудачи рентабельности как показателя эффективности деятельности предприятий следует считать отсутствие в СССР надежной системы цен". Продолжая эту мысль, Н. Елагин пишет, что "основной принцип – цена на изделие – должна устанавливаться таким образом, чтобы предприятия могли покрывать издержки и при этом получать "справедливую" прибыль. Поэтому новая система унаследовала главный порок дореформенной экономики: цены по-прежнему оставались административными и не могли служить источником информации". Но дело в том, что реформа и не ставила перед собой таких невозможных целей: источниками информации в СССР служат не цены, а письма предприятий, министерств торговли, населения и месячные и годовые отчеты всех предприятий и организаций. Другой иностранный специалист, на которого ссылается Н. Елагин, считает, что "построить лишенные серьезных недостатков индикаторы выполнения плана и эффективности деятельности – невозможно". Формально это верно, но возможно построить **комплекс** разных показателей, которые в совокупности будут работать удовлетворительно. Далее, цитируемые автором Г. Гехман и Г. Санд в сущности правы, что "постоянное корректирующее вмешательство центральных властей объясняется отсутствием критериев, способных обеспечить принятие рациональных решений на уровне предприятий", – но и это ничего не доказывает. Дело в том, что советская система носит не экономический, а административно-экономический характер, поэтому реализация, прибыль, номенклатура и чистая продукция там столь же необходимые элементы системы, как жесткие цены и административное руководство.

Примером этого может послужить самый последний случай. Н. Елагин упоминает безуспешные попытки сократить неоправданный расход дорогостоящих сырья и материалов. Но постановление от 30.6.1982 г. ("Экономическая газета" №33, 1982 г.) предусматривает, начиная с 1983 года, введение планирования лимита материальных затрат (в копейках на 1 рубль товарной продукции). Здесь административным путем вводится новый экономический барьер.

Наконец, Н. Елагин описывает неудачу т. н. Щекинского эксперимента по сокращению численности рабочих путем совмещения профессий и рабочих мест и соответствующих прибавок к зарплате. Здесь надо отметить, что никто из описывавших этот эксперимент не указывал, что так как Щекино – это химический комбинат, то все рабочие там – дежурные у аппаратов, оплачиваемые повременно. Легко понять, что этот метод не годится для машиностроительных заводов, где рабочие производят детали на станках и оплачиваются сдельно.

* * *

В развитие разобранной выше статьи "Посев" напечатал "Основы обновления народного хозяйства", разработанные коллективом авторов, чьи имена публике не объявлены ("Посев" №4, 1982 г.). Одной из самых ценных сторон проекта является широкое привлечение работ западных экономистов – их цитируется не менее 20-ти и еще 10 отзывов приведено в дискуссии по проекту. В условиях полной взаимной оторванности советских читателей и западных авторов преодоление этого разрыва имеет большое значение.

Замечания западных специалистов касаются

в основном вопросов цен, рынка, децентрализации и собственности. На мой взгляд, наиболее подходящим к советской реальности является мнение проф. Эгона Нойбергера: "Решающим является процесс принятия решений, а не форма собственности. Права собственности сами по себе мало о чем говорят. Они могут означать почти полный контроль над предметом собственности или почти никакого". В этой связи предложения проекта о продаже всех предприятий населению (акционерные общества) выглядят бесполезными для улучшения дела и опасными по существу: акции скупят те, у кого есть деньги – номенклатурщики и спекулянты. Будут ли они управлять лучше теперешних инженеров и экономистов? Это напоминает убеждение большевиков в 1917 г., что главное – отобрать заводы у буржуев и передать их рабочему классу. Результат известен – разруха... Впрочем, в другом месте авторы полагают, что принятие решений целесообразно сосредоточить в руках профессиональных директоров предприятий.

Проф. Эарл Брубакер очень верно заметил, что советская действительность далека от чисто теоретической модели директивного хозяйства и поэтому лучше было бы ставить вопрос не о насаждении рынка сверху в эту теоретическую модель, а о расширении роли реально существующих рыночных отношений. Следует лишь добавить, что сами авторы проекта полагают, что введение рыночной системы может начаться только с небольших ресторанов, магазинов, мастерских, мелких предприятий по производству предметов не первой необходимости.

Отсюда видно, что уменьшить острый дефицит товаров такой проект не может. В СССР существует могущественная промышленность, и централизованный поворот ее на производство товаров для населения, массовое строительство жилья и т. д. (за счет соответствующего сокращения военных расходов и активности на всех континентах и всех стихиях: космосе, воздушном и морском океанах, под водой) мог бы эффективно улучшить жизнь населения. Иными словами, требуется не экономическое, а политическое решение.

Другие замечания западных специалистов трудно приложить к советской реальности. Многие из них (Я. Адам, М. Борнстейн, Я. Зелинский, А. Нов, Д. Хоуг) полагают, что при отсутствии рыночных цен нельзя руководить хозяйством и, в частности, определить спрос. Это верно только для рыночного хозяйства, но в СССР его нет и неизвестно, можно ли его создать. В условиях тотального дефицита реальный спрос на товары хорошо известен как торговле, так и планирующим органам. Еще лучше известен первоочередной спрос – на хлеб, мясо, молоко, яйца, овощи, фрукты, костюмы, пальто, трикотаж, летнюю и зимнюю обувь, квартиры (и еще раз квартиры!), мебель и проч., и проч.

Затем, проф. К. Грей утверждает, что отсутствие цен на землю ведет к гибели ценных угодий и неэффективности. Ничто, однако, не мешает в рамках социалистической системы ввести земельную ренту (без купли-продажи земли), была же недавно в СССР введена плата за речную воду, расходуемую на заводах. Проф. Д. Хардт полагает, что "директоров интересуют только проблемы собственного производства, а не нужды потребителей", а проф. Д. Хоуг считает, что "децентрализация власти контрпродуктивна, пока цены не начнут толкать директоров на оптимальные решения". И то, и другое верно, но роль потребителей и цен в советском хозяйстве выполняют министерства и планы (другой вопрос, что они заказывают пушки вместо масла).

Остается отметить некоторые явные ошибки самих авторов проекта "Посева". Они жалуются, что в СССР кадры инженеров в 3 раза превосходят их численность в США, объем же производства в СССР составляет, в лучшем случае, 2/3 американского, так что на одного советского инженера приходится 1/5 производства его американского коллеги. При этом авторы не учитывают, что в СССР всю структуру общества заполняют инженеры, а не адвокаты или секретари, как в США, причем оплата инженеров в СССР гораздо ниже американских секретарш, а эффективность выше таковых (секретари исполняют решения, а инженеры их принимают). Авторы также не понимают, что рост числа инженеров в СССР за счет других специальностей – явление самоспасения общества, т. к. техника, в отличие от гуманитарных наук, не поддается идеологическому извращению. Авторам следовало бы попытаться сравнить численность всех дипломированных специалистов в СССР и США. В другом месте авторы утверждают, что плановая система, где предприятию не грозит закрытие, лишает хозяйство ответственности за свои поступки. Закрытие не грозит, но директора за любую ошибку снять с работы могут. Он боится этого не меньше, чем хозяин разорения.

Еще одна нелепость, когда авторы причисляют к частной деятельности, наряду с приусадебными участками и частными уроками, – также и кооперативное жилищное строительство. На деле это строительство и распределение такого жилья – государственное, но оплату строительства государство разрешает внести частным лицам по его, государства, выбору.

Авторы проекта также полагают, что в СССР возникла "потеря профессионального мастерства, привычка халтурить". Недавно В. Яновский остроумно выразился по этому

поводу: "Иностранцы, наслушавшись рассказов о большевиках, о Иване Террибле и о Николае I, с изумлением осведомляются: "Как же это случилось, что Россия по сей день еще существует и продолжает расти, крепнуть"... На это имеется только один вразумительный ответ: "Спасает добросовестный труд мастера, батрака, ученого, пехотинцев: в поле, на заводе, в лаборатории и, увы, на каторге" ("Русская мысль" от 4.2.1982 г.).

В целом о разделах проекта "Причины неэффективности директивной системы" и "Опыт советских реформ" можно сказать, не вдаваясь в дальнейшие детали, что их описание не равно действительности, а **похоже** на нее: недостатки преувеличены, а возможности преуменьшены. Это искривленное пространство, разрисованное в стиле западных учебников, может ввести в заблуждение наблюдателя со стороны: проф. Мильтон Фридман, например, пишет, что аналитическую часть проекта он читал с "одобрением и удовольствием".

Зато с большим одобрением следует указать, что авторы проекта понимают всю трудность радикальных реформ. "Коренная перестройка по принципу "все сразу" немыслима в масштабах советского народного хозяйства. Нарушая сложившиеся связи и отношения, она может вызвать спад производства, и это может оказаться катастрофическим. Кроме того, необходимые для рыночного хозяйства институты в стране были ликвидированы шесть с лишним десятков лет тому назад. Оно покоится на сложной системе отношений..."

Точно так же следует одобрить понимание авторами того, что "рыночный сектор отнюдь не окажется бесконтрольным. Для него останутся в силе технические стандарты, правила санитарной и пожарной инспекции, законы об охране окружающей среды, инструменты налоговой, амортизационной и денежной политики" (в т.ч. налог на "добавленную стоимость"). Странно только, что здесь даже не упомянуты законы о труде. Неужели авторы проекта собираются отдать трудящихся в полную власть самодуров? Это умолчание тем более удивительно, что авторы специально оговаривают, что, например, "воровство, взяточничество, обман покупателя, производство и продажа наркотиков – останутся уголовно наказуемыми и после реконструкции хозяйства".

Далее авторы указывают, что предлагаемый ими путь не есть возврат к капитализму или восстановление частной собственности, легализация "левой" экономики или возврат к НЭПу, не отказ от всякого вообще планирования. Авторы напоминают, что частные крестьянские и ремесленные хозяйства не уберегли Польшу от жесточайшего экономического кризиса 1980 – 1981 годов, обусловленного неэффективностью крупного производства (здесь мы должны подчеркнуть, что в СССР крупное производство эффективно – это и создает основу глобальной мощи советского руководства).

Наконец, авторы отмечают, что их предложения не означают полной отмены политически популярных субсидий – на некоторые продукты питания, на жилье, образование и медицинское обслуживание. Жаль, что не разобрали этот вопрос подробно, он гораздо важнее для населения и интереснее, чем планово-рыночные проблемы. С одной стороны, эти субсидии берутся за счет установления соответственно низкой зарплаты тем же трудящимся. С другой стороны, при жестоком дефиците всех этих вещей, они преимущественно выдаются номенклатурщикам всех видов. Поэтому стоило обсудить отмену субсидий с повышением зарплаты мало- и среднеоплачиваемым. Кроме того, основную массу жилья можно строить в виде кооперативов, на высшее образование можно давать кредит, а медобслуживание можно сделать свободным, с оплатой за счет страхования, например, 80% стоимости лечения и лекарств (по французскому образцу).

В заключение авторы пишут, что обсуждение экономических реформ – неотложная задача, стоящая перед всеми, кому не безразличны судьбы нашей страны. С этим, вероятно, согласятся многие читатели.

(Окончание следует)

Романо ГУАРДИНИ

"МОИСЕЙ И ИЛИЯ"*

(Окончание V главы, начало см. в №27)

"И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия: явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме" (Лк, 9, 30 – 31). Они говорят с Ним о Его смерти, которая должна свершиться в Иерусалиме: Моисей, познавший тщетность попыток вырвать народ из плена его собственного сердца; Илия, который должен был сражаться духом и мечом против сатанинской тьмы... Не кажется ли, что вся тяжесть полутора тысячелетий

*Глава из книги "Господь", готовящейся к изданию на русском языке в издательстве "Жизнь с Богом", Брюссель.

святой истории стягивается вместе и возлагается на плечи Господа? То, что подымалось в течение долгого времени; то, что восстало против Бога, наследие тысячелетнего ожесточения и ослепления возлагается на Него, и Он должен все это довести до конца. Как трогательно, что Петр, увидев весь блеск, говорит: "Наставник! Хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи, одну Тебе, одну Моисею и одну Илии" (Лк, 9, 33). Истинно, справедливо Лука прибавляет: "не зная, что говорил". Это как лепет ребенка, который видит страшное, но не понимает и думает, что это хорошо, ибо блестит.

Потом находит облако и слышен глас Божий, и они падают на лице свое. Теперь они замолкли. Затем мы читаем: "Когда был глас сей, остался Иисус один". Небесное ушло. Земля темна. Иисус продолжает Свой путь в одиночестве.

Два повествования из того времени дают нам почувствовать, каким Он тогда был, той отчужденностью, которой они овеяны. Матвей повествует: "Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы? Он говорит: "Да". И когда вошел он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: "Как тебе кажется, Симон, цари земные с кого берут пошлины или подати? С сынов ли своих или с посторонних?" Петр говорит Ему: "С посторонних". Иисус сказал ему: "Итак сыны свободны; но чтобы нам не соблазнить их, выйди в море, брось уду и первую рыбу, которая попадется, возьми; и, открыв у ней рот, найдешь статир, возьми его и отдай им за Меня и за себя" (Мф, 17, 24 – 27). Он Сын Царя. По праву Он свободен от всех тягот. Он и те, кто с Ним, по праву проходят как господа по земле Отца. Но: заплатим им храмовые деньги, чтобы они не соблазнились... Какое одиночество!

Лука же повествует: "В тот день пришли некоторые из фарисеев и говорили Ему: "Выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет убить Тебя". И сказал им: "Пойдите, скажите этой лисице: се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу; а впрочем Мне должно ходить сегодня, завтра и в последующий день, потому что не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима" (Лк., 13, 31 – 33). Слова эти звучат как из начала времен. Они могли бы стоять в книге Бытия; как бы в песне, исходящей из прежнего, ушедшего величия. "Се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу". Три дня нашего преходящего времени, сегодня, завтра и третий день! И затем ужасные слова: "Не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима". Это закон, исходящий из бездны человеческого сердца: никто, кого Божия любовь посылает к Своему народу, не умирает спокойной смертью. И нигде в другом месте не должно произойти святотатство, а только в Святом Городе; там, где стоит храм, там, где находится трон величия Небесного Царя!

Чувствуем ли мы страшную тайну, окружающую Господа? Быть пророком означает знать смысл, толковать происходящее, исходя от Бога. В Иисусе исполняется все, что было в пророках. Он – Наследник, в Котором живет история человечества. Он – Знающий, Несущий все в Своем сердце, вбирающий все в Свою волю и завершающий. На Него возложено довести до конца человеческую судьбу с ее виной и ее несчастьем. Он знает о границах, которые исходят из свободы маленького человека и неодолимы для всемогущего Бога, потому что Он хочет свободы; Он знает о злом и страшном, что исходит из свободы, о том, чего не должно было бы быть, что не нужно, но должно было быть взято на себя, если дело совершилось.

Это последнее из последних, бесконечно чистая готовность любви Иисуса в пространстве между возможностью и необходимостью, одновременно то, что в старину, содрогаясь, называли судьбой, но что, как мы знаем, есть сама любовь Бога. Знающее все до самой глубины, с чистой готовностью воли, сердце Господа приводит в движение самое сокровенное, и оно излучает то, что мы называем спасением, новое начало.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ИСПОВЕДАНИЕ

Сложно и трудно говорить об исповедании, но необходимо, особенно в наши духовно судьбоносные времена.

"И так всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным;

"А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным" (Матф. X, 32 – 33).

Исповедание и отречение, отречение и исповедание, эти два понятия, несмотря на свою противоположность, неразрывно связаны между собой, и там, где было исповедание, может случиться отречение, и где было отречение,

там может раздаться истинное исповедание. Апостол Петр исповедал Христа и, без всяких сомнений и колебаний, последовал за Ним, бросив все свое скромное имущество на берегу Геннисаретского озера. Он же в критический момент земной жизни Спасителя кратковременно отрекся от Него, но всей своей последующей жизнью и смертью искупил этот тяжкий грех.

Исповедание и отречение, отречение и исповедание – эти своего рода "диалектические противоположности" часто проходят по всей человеческой жизни, оставаясь, как это ни странно звучит, не замеченными многими их носителями. Многообразны формы отречения от Христа отдельных людей, групп людей и даже целых государств. И это многообразие форм и их распространенность делают их как бы "узаконенными" и незаметными.

Если спросить почти любого человека о том, что же такое исповедание, то в большинстве случаев вы услышите всякого рода заявления о своей вере в Господа. Вы услышите и о форме этого заявления, т. е. о его печатном, устном, письменном оформлении или о его передаче по радио, по телевидению и т. д. и т. п.

Все это, конечно, верно, но обычно исповедание, так же, как и отречение, рисуется людям именно в таких крайних широковещательных формах. К ним особенно привыкли в СССР, где каждое случайное или запланированное, например, отречение от веры преподносится всему населению в указанных выше формах, в целях пропагандного соблазна и устрашения несдающихся.

Но дело не только в этом. Мы часто говорим о подобных методах исповедания или отречения, забывая о том, что есть гораздо менее заметные формы того и другого, встречающиеся ежедневно и ежечасно.

Исповедание Господа заключается не только в громогласных заявлениях, иногда стоящих на грани широковещательного фарисейства, а часто в чем-то другом, более скромном и значительном. Исповедание Господа – это не только просто декларации, остающиеся иногда беспочвенными заявлениями, а свершение их в жизни. И люди, например, любящие храм Божий, постоянно посещающие и молящиеся в нем, принимающие активное участие в церковной или вообще религиозной жизни, трудящиеся в этом храме, добротворящие в нем, – своей деятельностью и поведением тоже во всеуслышание исповедуют Господа. Напряженность, ответственность подобного исповедания ощущается явно особенно там, где посещение храма и активное участие, например в приходской жизни, связано с неприятностями и даже опасностью, искусственно создаваемыми теми, кто упорно хочет стереть с лица земли веру в Бога. В этих условиях все простые и естественные для каждого верующего действия перерастают в подвиг исповедничества.

Но и там, где Церковь живет в относительно нормальных условиях, где нет прямой опасности для верующих посещать храм Божий, – там церковное поведение верующего христианина в секуляризированном окружении "мира сего" является тоже явным исповедничеством его веры в Господа.

Это исповедничество еще ярче проявляется и там, где верующие люди, исполняя повеления Спасителя, идут в мир проповедовать слово Божие, т. е. занимаются миссионерством, столь нужным в наше страшное время. И не о грандиозных и многотысячных миссионерских "акциях" говорим мы в данной беседе. Не о столь соблазнительных масштабах подобного рода деятельности, тоже, очевидно, кому-то нужных, но остающихся, как правило, случайными, а о тихой, незаметной систематической миссионерской деятельности, часто совершенно индивидуальной, говорим мы здесь. Эта незаметная на первый взгляд, но весьма эффективная деятельность является тоже одним из свидетельств нашего исповедничества. Миссионерство, упорно и подчас незаметно проводимое в разговорах с отдельными людьми, с группой людей, – есть подлинное активное исповедание Господа, то исповедание, о котором нас учит Господь Иисус Христос.

А там, где всякого рода миссионерство рассматривается как запрещенная законом "религиозная пропаганда", за которую верующему человеку грозят неисчислимые кары, там мы снова будем говорить о подвиге исповедничества, подвиге, ведущем к зарождению святости у его носителей. Этим подвигом явится в данном случае простое утверждение своей веры в любом частном разговоре, ибо никогда не является известным, будет ли иметь подобный разговор неприятные последствия.

И тоже исповедничество, только несколько иного характера, будет и тогда, когда мы просто скажем о своей вере людям западного псевдопрогрессивного толка, для которых наша вера есть явление "ненаучного характера", свидетельство нашей "отсталости" и даже своего рода "унтерменшество". Это, однако, нисколько не мешает западным "прогрессистам" приносить клятву на Библии там, где это им выгодно или положено по традиции, давно лишенной какого-либо смысла.

Поэтому-то дело исповедания Христа, к которому Он нас зовет и вне которого нам нет части со Христом, не является какой-то отдельной торжественной акцией, а носит повседневный, даже "будничный" характер и может проявляться в сотнях мелочей, связанных с нашей религиозной жизнью. Это повседневное исповедание Господа в любой обстановке нисколько не меньше, а может быть, даже важнее

и больше тех крупных миссионерских акций, о которых мы упомянули выше.

Подобно тому как исповедание Бога в своих проявлениях может носить совершенно разнообразный характер, подобно этому отречение от Христа может произойти в самых незаметных формах и даже скрыто для нас. Большинство верующих людей скажут, что они никогда не отрекались от Христа. Да, вероятно, они не отрекались от Христа так, как отрекаются от Него так называемые современные "герои" советского атеизма, превращающие свой переход на сторону безбожия в позорный клубный спектакль на радость дьявольским силам, восставшим на Христа.

Но случается зато нечто и иное. Мы можем часто своими незаметными на первый взгляд делами отречься от Христа. Это фактическое отречение будет иметь место тогда, когда мы откажемся по совершенно несущественным причинам от посещения храма, когда мы откажемся от участия в церковной жизни, хотя это наше участие, быть может, в данный момент будет необходимо; мы отречемся от Христа, когда постесняемся в любом частном разговоре исповедовать свою веру, потому что будем находиться в "прогрессивной среде", не верующей в Христа и открыто декларирующей свое неверие; мы отречемся от Христа, потому что признание себя верующим человеком может повлечь за собой всякого рода житейские неудачи; мы отречемся от Христа, когда постараемся пропустить мимо ушей хулу на Христа, исходящую от людей, враждебно настроенных по отношению к религии, и нам покажется "неудобным" возражать им; мы, наконец, отречемся от Христа, когда, совершив грех, не пойдем по пути апостола Петра и не принесем искреннее покаяние, и останемся бесчувственными к данному факту. Мы отречемся от Христа еще во множестве чисто житейских ситуаций, когда самый факт отречения останется незаметным для нас, ибо сами мы не всегда отчетливо понимаем, что именно мы делаем.

Мы отречемся от Христа, когда останемся безучастными к тому издевательству над Распятым, когда всякого рода "борцы за права человека" требуют убрать с площадей и иных публичных мест христианские реликвии по той причине, что их присутствие якобы нарушает свободу граждан той или иной страны. Это особенно часто происходит сейчас в западном мире. Мы отречемся от Христа, когда промолчим в ответ на издевательское послание очередного "народного избранника", объясняющего свою позицию при голосовании, например, по вопросу, можно или нельзя прочесть молитву в школе перед началом занятий. Он, видите ли, голосовал против, так как чтение молитвы нарушает конституционные права неверующих. Беспокоится он только о правах неверующих, а куда делись конституционные права верующих, которые имеют право на молитву? Многое можно сказать по данному вопросу, но мир идет туда, куда ему предназначено идти. Наше же дело оставаться исповедниками нашей веры везде, где только это возможно.

Такова реальная действительность того, что мы называем исповеданием, и его противоположности – отречения. Эта действительность говорит нам о том, что надо быть очень осторожными в своих поступках и решениях, часто не осознанных нами в религиозном плане, ибо простые, на первый взгляд даже чисто житейские ситуации, кажущиеся многим совершенно безобидными, могут носить в своей глубокой сущности признаки отречения от Христа.

И наоборот, часто наши решения, подсказываемые нашей совестью и тоже, на первый взгляд, не носящие в себе ярко выраженного религиозного начала, на поверку могут оказаться отчетливо выраженным исповеданием веры, исповеданием не замеченным по смирению, проявленному его носителем, но столь ценным пред лицом Божиим.

Ирина КРЫЛОВА

ЛЕДЕНЯЩЕЕ ДЫХАНИЕ

Не мелькают больше на страницах американских газет очерки, репортажи, разнообразные фотографии о жизни, "деятельности" и смерти Сталина.

Новые сенсации появились вместо старых, иные фотографии оживляют газеты, привлекая внимание читателей.

Жизнь идет своим чередом. Каждый день приносит новые, порой совершенно неожиданные, напряженные события.

Но ничто в мире – ни ужасная война, ни смертоносные, страшные взрывы бомб, ни лагерная, полная неразберихи жизнь – не в состоянии стереть тех ужасных впечатлений и воспоминаний, оставшихся навсегда в душе человека, жившего под "солнцем" сталинской конституции.

Ведь Сталин для бывших советских граждан не только газетное сообщение – это их жизнь, их лучшие годы, принесенные в жертву ненасытному Молоху.

И нет сил у них избавиться от этих, порой кошмарных впечатлений, воспоминаний.

Сегодня эта печать ложится на души других

народов, попавших в орбиту владений Сталина. Хотя пройдут и целые десятилетия, но не стереть ее из человеческой души.

Только новые поколения, родившиеся в ином, свободном мире, будут читать о событиях этих ужасных лет так, как читаем мы о пытках испанской инквизиции, о зверствах Чингис-хана, о тупом вероломстве Ивана Грозного, о гонениях первых христиан Нероном.

Одно из таких ужасных впечатлений, рассказанное мне учительницей советской неполной средней школы, записала я в лагерях ДП и хочу рассказать его Вам.

* * *

– Сталин, – начала она, – входил в жизнь незаметно, исподтишка, вкрадчиво, но в то же время властно, стараясь навсегда закрепить за собой захваченные позиции.

Больше всего хотел он овладеть человеческой душой, и это меньше всего удалось ему, хотя и оставил он в ней неизгладимый след.

Культ Сталина вырос до недосягаемых вершин: советская литература, искусство, даже наука были поставлены на службу "вождю и отцу народов".

Все способы пропаганды и агитации: радио, пресса, театр, школа – все славословило Сталина на все лады.

И все же это только бутафория, здание, построенное на песке, распавшееся при первой попытке столкнуть его. Так, во время вторжения немецких войск на советскую территорию белели костями между клумб в парках разбитые куски гипсовых сталинских статуй.

Нет, Сталин не мог овладеть, не мог совершенно покорить человеческую душу, но он мог заставить ее дрожать, он мог заставить ее делать угодное ему, применяя самые дикие эксперименты. Но покорить не мог, хотя и был всюду.

Вот, например, неполная средняя школа – урок русского языка и литературы в 7-м классе. Тема – имя прилагательное. То самое прилагательное, которое послужило Фонвизину примером показать невежество "недорослей".

Как же может имя прилагательное, такая себе обыкновенная грамматическая категория, обойтись без Сталина?

Совершенно невозможно, всюду и везде хотел быть он, каждую минуту и даже секунду не спускать с глаз всех и вся.

И нельзя было дать ребятам 13 – 14 лет, вот этим белоголовым, с синеватой полоской под глазами от систематического недоедания, пример:

"У лукоморья дуб зеленый" или "Восходит месяц золотой".

Нет, нужно было написать мелом на доске, подчеркнув имя прилагательное: "Дорогой и любимый Сталин – отец и вождь народов СССР" или "Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство".

Имя прилагательное не могло быть без Сталина, но обед мог обойтись без мяса, завтрак без чая; вода, заправленная "малинкой", была самым обыкновенным напитком: вместо сахара – порошок подсахаренной корицы для теста, без масла, порой без хлеба.

Туфли могли быть сделаны не из кожи, а из парусины. Платье могло быть пошито из старого, выкрашенного одеяла.

Но имя прилагательное должно было быть сталинским.

И так всюду, везде, в каждом, даже незаметном, деле, случае, явлении – обязательно должен был быть Сталин.

Терроризированная, запуганная человеческая душа становилась душонкой, производя миазмы подхалимства, лести, гнусного унижения, воспевавшего славу Сталина и его кровавые дела.

– Все же, несмотря ни на что, – продолжала она, – я не чувствовала Сталина ни в хвалебных одах, ни в музеях, переполненных его портретами и картинами, рисующими никогда не совершаемые геройства "вождя", ни в бурных овациях...

Я не чувствовала его присутствия, а только наблюдала: со стороны одних – страх потерять пропуск в закрытый магазин, полученный вместе с маленькой красной партийной книжкой; страх у других попасть завтра в концентрационный лагерь, а может быть, где-то далеко теплилась надежда – и талон на галоши достать.

Я видела – унижение, жалкую потерю чувства гражданина и страшное, неподражаемое чувство, развитое до исполинских размеров у советских граждан, – чувство приспособления.

Но были моменты, когда я чувствовала леденящее дыхание Сталина.

По программе русского языка в 7-м классе неполной средней школы "прорабатывали", выражаясь советским языком, "Капитанскую дочку" А. С. Пушкина.

13 – 14-летние дети, наполнившие до отказа 7-е классы, должны были выучить наизусть сказку, которую старая калмычка когда-то рассказывала Пугачеву.

Говорили, что эту сказку ввести в учебную программу неполной средней школы порекомендовал сам Сталин.

И жутко было слышать из детских уст эту самую страшную из всех слышанных и прочитанных мною в детстве сказок. Маленькая по размеру, она производила неизгладимое, ужасное впечатление.

Речь идет о двух птицах: вороне и орле. Ворон живет долго – триста лет, а орел только тридцать лет и три года.

Орел, желая тоже долго жить, спрашивает у ворона, что делает он для того, чтобы продлить свою жизнь.

Ворон учит орла: для этого нужно питаться мертвечиной. Орел подумал и согласился. Полетав немного, они находят палую лошадь. Ворон клюет и похваливает, а орел клюнул раз, другой, а потом и говорит:

– Нет, брат ворон: чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью,. а там что Бог даст!

Учительница замолкла, пристально глядя вдаль.

– Особенно жутко, – после минутной паузы продолжала она, – звучали эти слова на выпускных экзаменах в 7-м классе неполной средней школы.

В классе, у стола, стоит девчурка, приглаженная, причесанная: из последних сил старалась мать, чтобы ее дочка сегодня была не хуже других. Стоит и декламирует:

– Нет, брат ворон: чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст!.

Тогда Сталин незримо был в классе и своим леденящим дыханием захватывал дух у всех: у детей, сидевших за партами, у учителя, думавшего о 100% успеваемости и о всех вытекавших отсюда последствиях, и у инспектора, присутствовавшего на экзаменах и несшего личную ответственность перед райкомом ВКП(б).

Сталин незримо присутствовал в классе, и совет старой калмычки, данный Пугачеву, Сталин взял за основу всей своей жизни и "деятельности".

"Уж лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст".

Только просчиталась старая калмычка, не прожил Сталин тридцать лет и три года в Кремле, хотя и пил живую кровь двадцать девять лет...

Нью-Йорк, 1953.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Грани" № 125. Г. Владимов, в рассказе "Не обращайте внимания", пытается вышучивать чекистов. Но есть вещи слишком страшные, чтобы над ними смеяться... Юмор получается деланный и неживой.

Г. Парамонов посвящает большой этюд переписке В. Набокова с американским писателем и критиком Э. Вильсоном. Из приведенных отрывков остается неожиданное впечатление: хотя Набоков лучше разбирался в политике, чем его приятель, советофильствующий левый интеллигент, зато в области литературного вкуса тот его далеко превосходил. Меток его отзыв о "Лолите": "Эта книга слишком абсурдна, чтобы быть ужасающей или трагичной, и слишком неприятна, чтобы быть смешной". Справедливо отвергал он и набоковские комментарии к "Евгению Онегину", изумительно тупые, претенциозные и самодовольные (сам Набоков, без излишней скромности, о своей работе отзывался: "Россия в неоплатном долгу передо мной"). Прав он был и не соглашаясь с иконоборческими наскоками Набокова на Достоевского. Жаль, что Парамонов, один из самых способных людей в новейшей эмиграции, настолько подчиняется безбожно раздутому престижу Набокова, что вслед за ним объявляет **плохим писателем**... Стендаля! Оригинальничанье в суждениях (страсть Набокова) – совсем не умная поза. Удивляют промахи, кои не знаем, приписать ли автору или типографии: **Баланчик** вместо **Баланшин**, ссылка на роман Э. Дюжардена "Les Lauriers Sant Coupe's" (вероятно, "Les lauriers sont coupés"?). Наоборот, одобрим вполне окончание, где Парамонов называет русскую революцию "самым безвкусным и бездарным из предприятий отечественной истории" и выражает сожаление, что Набоков не решился сказать Вильсону, что Александр Миротворец был лучше не только Ленина Благосклонного, но и Милюкова Котоусого.

А. Бахрах рецензирует две книги: воспоминания К. Бугаевой об А. Белом и "Железную женщину" Н. Берберовой; первую – сочувственно, вторую – враждебно. Трудно судить, не читав разбираемых им произведений. Все же коробит мнение, будто жена Белого **спасла** его, увезя из-за границы в СССР! А критик сравнивает ее мемуары не больше, не меньше, как с записками Н. Мандельштам и Л. Чуковской! Что до биографии баронессы Будберг, составленной Берберовой, Бахрах вряд ли прав, что ее личность малоинтересна: всякому, кто занимается Уэльсом или Горьким (персонами весьма значительными), приходится о ней задумываться. А задумавшись, как не разделить предположений писательницы о связях ее героини с некоторыми контрразведками? В целом отзыв рецензента оставляет подозрение в предвзятой антипатии к автору. В смысле же убедительности типична такая деталь: Бахрах противопоставляет впечатление от своей единственной беседы с Будберг заключениям Берберовой на основе многолетнего изучения предмета!

Публикуя дневник генерала Алексеева, Н. Рутыч плохо обоснованно его идеализиру-

ет; в плане военных заслуг не станем спорить, но политически тот проявил полное непонимание нужд России. По поводу выпущенного издательством "Посев" сборника "Россия в эпоху реформ" Д. Поспеловский совершенно резонно спрашивает: "Для чего составлялся сборник? Для рекламы "Посева" или для расширения исторического кругозора современного подсоветского читателя?"; и комментирует: "Подтекст статей Рутыча и Желябова... что интеллект и знания государя (Николая II) соответствовали уровню гвардейского полковника, а не самодержца", тогда как тут же А. Столыпин, на основании свидетельств русских министров и иностранных послов, показывает "незаурядный ум, блестящие знания, эрудицию и память государя". Поражает неверный, искажающий смысл перевода Поспеловским названий приводимых им статей; "Russian Orthodoxy under Old Regime" и "Russia under the Last Tsar" соответственно как "Русское православие под старым режимом" и "Россия под последним Царем"; надо, разумеется, было "при старом строе" и "при последнем Царе". И это **совсем** не то же самое!

И №126. Выделяется отличный рассказ Ф.Светова из быта диссидентов в СССР, и особенно его концовка, дивно передающая бесшабашность русской натуры, легко понятную любому из нас и вовсе непостижимую для иностранцев.

В попытке М. Шнеерсон проанализировать ранние вещи Солженицына отметим удачные слова, резюмирующие самую сущность описываемой им советчины: "Ощущается какая-то дикая бессмыслица: кому, зачем надо было уничтожать тысячи людей, каков смысл этого бесовского глумления над страной, над народом?!" Автор правильно останавливается на очень значительном рассказе "Случай на станции Кречетовка". Но зря она, исходя из слов писателя, что добро и зло пересекают сердце человека, толкует об их будто бы относительности. Да, и у плохих людей есть всегда хорошее, а у хороших – плохое; да, за жизнь каждый меняется. А все же во всякий момент можно, – если знать о человеке **все**, – определить, плохой он или хороший, и после его смерти подвести конечный баланс; как Господь Бог и сделает. И Зотов из рассказа, конечно, неисправим. Он есть тип якобинца, готового тысячи людей послать на эшафот во имя своего идеала (а идеал у них бывает непременно ложный; не то бы не требовал преступлений). Что до его типичности для России 30-х гг. – он типичен для **немногих**: вождей, актива; массы ему, вот именно, словами Шнеерсон, **противостояли** и **хранили живую душу**.

Стихи Л. Друскина, В. Пригодича и Р. Вогака – и грамотные, и не без таланта; но ни одного вполне удачным не назовешь, хотя отдельные отрывки бывают превосходны. Как, например, характеристика Пригодичем старого жанра китайской литературы о лисах:

Феи-лисы дарят людям ласки
Нежные, одна другой пригожей,
Господи, да за такие сказки,
Я готов расстаться с белой кожей...

"Наши вести". №388 стоит на столь высоком уровне, что, если оный удержится, журнал выйдет на видное место в эмигрантской прессе. Особенно хорош этюд редактора, Н. Протопопова, "Почвенники и бунтари нашего времени", с анализом двух тенденций в подсоветской художественной прозе, которым он дает имена **исповедальной** и **лирической**, относя к 1-й В. Аксенова, А. Кузнецова, А. Гладилина и А. Битова, а ко 2-й Ф. Абрамова, В. Астафьева, А. Белова, Е. Носова, В. Распутина и В. Солоухина. Чрезвычайно точно он определяет направление 1-й как **нигилизм** и видит его корни в "извечной проблеме отцов и детей", породившей "подлинный бунт, бурную реакцию этих "детей" на лицемерие и малодушие "отцов" в годы сталинского культа личности". Автор считает, однако, что будущее скорее за 2-й линией, подвергающейся сейчас резким атакам со стороны "советских критиков-догматиков", обильные образцы каковых он и приводит. Нам кажется только чрезмерным оптимизмом надежда Протопопова на "наличие на самых верхах борьбы вокруг проблемы национального возрождения". Проблема, думаем, ставится **снизу**; в том ее и сила.

Иг. Г. Эйкалович, продолжая дискуссию о происхождении Ленина, темпераментно и настойчиво полемизирует с В. Пирожковой и В.Рудинским. Стоит ли возражать? Он сам признает: "отечественных героев не обвиняют, ну а изменников и вредителей... им всякое лыко в строку. **Практически** здесь имеется кое-что от готтентотской этики". Если так рассуждать, то конечно... Более сомнительно соображение, что Пушкин получил-де свой талант целиком от отца; предрасположение, допустим, но мощь? Василий Львович, которому он почтительно говорил: "Вы дядя мне и на Парнасе", был поэт не без дарования, и все же не идет с ним в сравнение. Влияние же африканской крови как будешь отрицать, посмотрев на портрет величайшего гения русской земли! У Ленина же, заметим, если какой расовый тип проглядывает, то монгольский (отнюдь не характерный ни для чувашей, ни для мордвы). Он был **выродок**, ладно; да выродок-то – русский. Между прочим, еврейскую кровь у Ильича надо решительно поставить под вопрос: его дедушка Бланк (фамилия ничуть не специально еврейская), владевший крепостными, числился, очевидно, дворянином. Не вела ли

уж мать Ленина род от Бориса Карловича Бланка, племянника поэтессы Буниной, "в свое время известного стихотворца", упоминаемого в книге Д. Мордовцева "Женщина XIX века"?

Крайне любопытна статья П. Терского, о похищении Кутепова, где представлена сводка высказываний В. Бурцева. Курьезно, как мало свету было пролито на темное дело это, в момент совершения... и по наши дни! Ряд очерков мемуарного типа на разные темы безусловно представляет серьезную ценность, а уж касательно деятельности Русского Корпуса, – несомненно, собранные тут материалы составят клад для позднейших исследователей.

"Континент" №32, в отличие ото многих прежних, **скучным** не назовешь. Сначала хочется поздравить журнал с приобретением ценнейшего сотрудника в лице Н. Шатрова, подборка стихов которого свидетельствует о первоклассном даровании. Да вот... присмотревшись, узнаешь, что его **машинописная книга** доставлена в редакцию **посмертно** его друзьями. Процитируем, для иллюстрации, не выбирая, первую строфу из напечатанного первым же его стихотворения:

Верю в Бога, потому что верю,
Потому что жизнь иначе – смерть!
Потому что горы, травы, звери –
В землю обратившаяся твердь.

Талантливую и симпатичную по интонации Р. Левинзон мы уже имели случай отметить в связи с ее публикациями в журнале "Время и Мы". Л. Владимирова – уже известный, признанный поэт, не нуждающийся в наших похвалах. Чувствуются способности, хотя и не столь определенные, и у В. Петроченкова. Меньше, гораздо, – у В. Алейникова, А. Черткова и Л. Иоффе; хотя они тоже пишут вполне грамотно и художественно, в отличие от версифицированной макулатуры, часто заполняющей страницы "Континента".

Зато проза – никуда! Пошлые анекдотцы Г. Покрасса уснащены притом же похабщиной. Для чего пишут Ю. Гальперин и Ю. Милославский – вопрос; для чего их печатать – ?? Иное дело М. Зайчик, далеко не бездарный. Ситуация, созданная в его рассказе, – подстать Грину, а то и Уэльсу; и если бы ее развить... но он ее, к несчастью, скомкал. Горестное изумление навевает очередной фрагмент из романа В. Максимова, томительно серый. Тот ли это Максимов?! А ведь тот же: слог, приемы можно признать. Исчезло только главное: отлетела жизнь, ушел талант... Навсегда? Или, дай Бог, на время?

В противовес прозе художественной, в публицистических отделах немало любопытного (наряду с хламом). По поводу воспоминаний Хейфеца об Осипове мы выражали некоторое недоверие, которое и подтверждается письмом в редакцию о. В. Хайбулина. Ему – верим во всем (в защите Машкова и Мельниковой, в объяснении конфликтов внутри "Веча", – т. е. настоящего, издававшегося в СССР). Наоборот, возражения ему, здесь же, Хейфеца, задорные, бранчливые и мелочные, – поражают своею несостоятельностью.

Исследование А. Сопровского "Конец прекрасной эпохи", о литературе и поэзии в Советской России, выделяется глубиною мысли и серьезностью ставимых вопросов; оно составлено на совершенно необычном для "Континента" высоком уровне. Прекрасно охарактеризована диссидентская литература за границей: "Как будто застыл на рекламном щите освобождающейся русской литературы один и единственный выразительный жест: высунутый язык". Так же хороши и отзывы об отдельных авторах; но отсылаем к полному тексту.

О. Ульч дает подлинно "Неприятный отчет об американской правовой практике" с массой примеров, переносящих в атмосферу Бедлама, где государство защищает преступников и преследует жертвы. М. Поповский доказывает (а сие и не нуждается в доказательствах), что КГБ есть "очень могущественная организация". "Эстонский узел" С. Солдатова отталкивает неумением отличить русский народ (ничем перед эстонцами не виноватый) от большевиков (которые виноваты как перед эстонцами, так и перед русскими – и передо всем человечеством!). В. Янов несет напыщенный и невразумительный вздор про "Нации и национализм". Поведение немцев в России (и в Восточной Европе в целом) поистине было "ошибкой, которая хуже преступления", как определяет В. Ламе, бывший офицер германского вермахта, в котором попадались люди вроде него, способные понять дело; но, на беду, они не имели довольно силы, чтобы политику своей страны изменить.

Сенсационный и скандальный довесок к номеру образует "Специальное приложение", подписанное К. Любарским. А. Синявским и Е. Эткиндом (с комичным педантизмом перечисляющими свои ученые звания; вещь в эмигрантской печати определенно не принятая). Они атакуют "Русскую Мысль", – предприятие вовсе не мудреное. Но, подлинно: у страха глаза велики! В этой февралистской и обывательской газете они ухитрились найти монархические лозунги... Сие есть смеху достойно. Относительно же примеров прескверного русского языка, – пара пустяков была бы подобрать куда более яркие. Перепечатка произведений давно покойных писателей тоже, разумеется, – не дело периодической прессы (когда же перепечатывают столь сомнительные опусы, как статьи Г. Адамовича, то в особенности!).

Нападки-то, однако, делаются с вовсе нереальных и неубедительных позиций. Охаивать вчистую старую Россию, как бы хотелось составителям протеста, никакой эмигрантский орган не может: в числе читателей вдоволь людей, эту Россию помнящих (и знающих, например, что крепостное право было уничтожено не революцией, а царской властью, и даже то, что в США существовало дольше него несравненно более жестокое рабство негров). Люди, настроенные так, обычно в эмиграцию и не выезжали. Гг. Любарский, Синявский и Эткинд издевательски именуют дореволюционную Россию самодержавно-крепостнической. Неужели нынешняя, советская, лучше? Весь народ знает отлично, что нет.

Убожество этических норм авторов печально выпирает на каждом шагу. Полемизируя с еще живым во время сочинения их декларации С. Рафальским, они раскрывают его псевдонимы (вещь абсолютно недопустимая!) и презрительно его обзывают "весьма уже престарелым" (а что же тут позорного?).

Критика по адресу П. Михалевского, за его статью о Пушкине, наводит на кое-какие воспоминания. Е. Эткинд опубликовал однажды в "Новом Журнале" кусочек из своего романа о великом поэте, буквально кишевший ошибками и передержками. Эмигрантские читатели – не наивные студенты Сорбонны и не запуганные слушатели герценовского педвуза (поди-ка в СССР возражать профессору, глаголющему ex officio!). Недостатки были весьма замечены (не оттого ли Эткинд больше в "Новом Журнале" не печатается?). Вот и мы иные из их промахов тогда же указали, в "Голосе Зарубежья" и в "Единении". Г-н Эткинд промолчал: да и что ж бы он мог ответить?! А теперь с апломбом поучает других!..

Требовать от антибольшевистской эмиграции поругания памяти генерала Власова, погибшего в борьбе с большевиками, – верх дурного вкуса, более того, неприличия! Впрочем, и такие голоса в Зарубежье порою слышатся, – но, к счастью, редко! – вспомним одну статейку З. Шаховской как раз в "Русской мысли".

"Кадетская перекличка", №№30 и 31. Под заголовком "И воистину светло и свято" В. Бодиско дает чрезвычайно содержательный очерк настроений эмиграции в период между мировыми войнами, возникновения и действий Русского Корпуса и теперешних конфликтов между доновейшими и третьей волной. К сожалению, он нигде прямо не определяет **своих** политических убеждений, что придает его мыслям известную расплывчатость. В особенности не можем согласиться, когда он, в конце, цитирует с видимым сочувствием М. Осоргина по поводу гражданской войны: "были, и бились между собой, две правды". Подобный релятивизм не оправдан: правда всегда одна. Присоединимся от души к И. Автамонову, тут же ему возражающему: "Я делаю разницу между теми, кто погиб, сражаясь во имя любви к своему отечеству, и теми, кто пал, сражаясь во имя ненависти, злобы, мести". Кстати, не подтверждается ли такой подход дальнейшей судьбой героев революции, в основном ликвидированных в чекистских подвалах? Любопытны замечания того же Бодиско об участи известного певца П. Лещенко: остается неясным, погиб ли тот во время войны, на посту лейтенанта румынской армии, или вернулся позже в СССР (что могло быть и вынужденным)?

В. Гликин ставит себе задачу реабилитировать Павла I, что не лишено оснований; но напрасно он пытается делать это за счет Екатерины II, великой царицы, которой Россия обязана вечной благодарностью! По случаю канонизации Новомучеников, В. Тихомиров подчеркивает, целиком заслуженно, величие души царя Николая II и его семьи перед лицом страданий и гибели. П. Пагануцци, служивший в рядах югославской армии, живо рисует ее стремительный и неожиданный крах в 1941 г.

"Новый журнал" №147. Стихи тут – весьма разного уровня. М. Волкова, как всегда, пишет, как большой, настоящий мастер. О. Ильинский и Е. Таубер – вполне доброкачественно; о прочих этого сказать нельзя. Художественная проза исчезла; кроме бесконечного сочинения Ю. Кроткова, о коем уже отзывались. Превосходен очерк М. Дубинина "Гоголь и оптинские старцы", хотя и совсем короткий, но крайне содержательный. В своих мемуарах Р. Гуль начинает новую тему, о русском Париже; подождем продолжения, чтобы судить. Он же дает, со слов графини Л. Воронцовой-Дашковой, воспоминания о Михаиле Александровиче, брате Николая II. Из них Великий Князь встает как идеальный конституционный монарх в потенции, и по убеждениям, и по характеру. Но те темные силы, под чьими ударами пала Россия, не являлись заинтересованными в настоящей конституционной монархии; хотя постоянно о ней кричали.

Анализом сих темных сил в мировом масштабе пробует заняться А. Федосеев в оригинальном исследовании "Благодетели". Заметим следующее: трудно в данных силах разобраться, еще труднее о них говорить (тем паче, в печати). При том же, попытки такие для авторов часто худо кончаются. Пара слов насчет слога. Недопустимо писать **сэром Сесиль Родс**, – это вовсе не по-русски. Надо бы, конечно, **сэром Сесилем Родсом.** Относительно перехода все большего числа африканских стран под марксистское иго приходит на память пассаж из суахилийской поэмы "Аюб",

времен расцвета средневековой занзибарской культуры:

Zijana hazina rai:
Hawa kuti, hawa mai,
Hawa nguo za kuvaa,

т. е.: "Твоим детям плохо приходится: нет у них ни еды, ни питья, и не во что им одеться". Вот так-то скоро и смогут бедные африканцы обратиться ко своей родине... Жаль, что Федосеев не уточняет, – хотя и затрагивает вскользь вопрос о влиянии **благодетелей** на русскую эмиграцию, – кто именно в ней является проводником их махинаций? Какие лица, какие печатные органы, какие организации? Ведь интересно бы...

Воспоминания Л. Ивановой, дочери Вячеслава Иванова, почти ничего не сообщают об ее отце, а целиком посвящены матери; о которой, помимо благоговения автора, создается впечатление, что она была женщина очень глупая и вряд ли симпатичная. Остается в памяти портрет молодой Ахматовой: **змеевидное существо**. Язык мемуаристки сильно хромает. Приходится делать усилия, чтобы угадать, что **обло – это** hublot, т. е. попросту "иллюминатор". По-русски нет названия **Корнуол**, а есть **Корнуэльс** (или более архаическое **Корнвалльис**). Фамилию композитора **Дебюсси** нельзя писать через одно "с". В России не существует местности **Капорье**; есть **Копорье** (имя, образованное от народного копёр – "укроп"). Впрочем, языковые небрежности щедро раскиданы по журналу. К примеру, нехорошо называть Зиновия Отенского **Зиновий фон Отен**, или вместо **Кинан** писать **Кинен**; режут глаз неудобопроизносимые сочетания **к взрыву, с вдовой**; что бы сказать **ко взрыву, со вдовой**?

"Часовой" №640. Привлекает внимание дельная по содержанию безымянная заметка о Северной Ирландии "Ульстер". Оговоримся, однако, что правильнее было бы **Ольстер** (эта форма принята даже в СССР). Кроме того, автор не совсем правильно употребляет название **стормонт**; оно по-ирландски обозначает просто "парламент".

"Синтаксис" №10. Начнем с лучшего: открытого письма В. Швейцер Анастасии Цветаевой с горячим разоблачением больших и малых неправд в ее мемуарных рассказах о сестре. Оно проникнуто любовью к М. Цветаевой, поэту и человеку, желанием защитить ее память от клеветы и стремлением знать о ней правду, – и чтобы другие тоже знали. Выпишем следующие слова: "Цветаева **не хотела** возвращаться в Советский Союз, не хотела никогда, очень трезво (в отличие от своих мужа и дочери) понимала ситуацию на родине, не любила – и никогда не приняла и не полюбила – ни большевиков, ни советской власти".

Вспоминая о Гуковском, И. Серман несколько преувеличенно трактует словно бы об отдаленной веками эпохе. Я и сам слушал, перед 2-ою мировою, лекции Гуковского и помню его отлично; как, наверное, многие в СССР и за рубежом. Лектор он был выдающийся, человек порядочный. Но, волей-неволей, в науке приспособлялся к страшному кровавому режиму, говорил полуправду, адаптировал факты и идеи к задачам власти. Вот почему его наследие (кроме отдельных сторон) не имеет реальной ценности, – о чем Серман рассказывает с обидой (а тут есть и положительное; хуже было бы, кабы ложь принимали, освященную блеском его таланта!).

"Сбывшееся пророчество", под манерным псевдонимом De Visu, имеет предметом роман "Бесы" и показывает следующее: "То, что современники Достоевского третировали как карикатуру... нам, потомкам, представляется снимком". Исключительно глубокий и умный этюд этот совсем не на месте в "Синтаксисе": он (хотел ли, нет ли того автор) подрубает всякий марксизм под корень. Прочесть его, для удовольствия и поучения, советую всякому... хотя бы и в **таком** журнале!

Репортаж С. Довлатова о конференции литераторов 3-й волны в Лос-Анджелесе – и смех, и грех! Поделимся его сообщениями. О Синявском: "Говорят, его жена большая стерва". Примем к сведению. О Лимонове: "Порождение бескрылого, хамского, удушающего материализма". В точку! О Коржавине – его ipsissima verba: "Вообще-то я пишу не для славистов. Я пишу для нормальных людей". Молодец! О В. Некрасове: "В юности он якобы не знал про сталинские лагеря. Не догадывался о судьбе Мандельштама и Цветаевой". Грустно, но правда; из песни слова не выкинешь. О Янове: "Александр Янов – давний оппонент Солженицына. Солженицын раза два обронил в адрес Янова что-то пренебрежительное. Янов напечатал в американской прессе десятки критических материалов относительно Солженицына... Солженицын – русский патриот, христианин, консерватор, изгнанник... Янов – добровольно эмигрировавший еврей, агностик, либерал". Со всем тут согласны; кроме безграмотного **в адрес**. Сей канцеляризм прозаседавшихся советских бюрократов надо бы из эмигрантской прессы выметать поганой метлой.

С. Соколов плетет ахинею; иначе он не умеет. Солидаризируемся с **лорнировавшей** его (была охота!) эмигрантской графиней, сказавшей: "Я прочла вашу "Школу для дураков" два раза и поначалу решила, что вы вольнодумец, масон, а теперь догадываюсь: вы просто умалишенный".

Т. Венцлова составил целую диссертацию на тему о стихах И. Бродского "Литовский дивертисмент". Оно выглядит комично: превра-

щать Бродского в мировую величину – преждевременно.

Чех М. Рейман, путешествуя по Китаю, старался все толковать **благожелательно**. Спрашивает: "Сколько народу пострадало в период культурной революции?" Отвечают официально: "100 миллионов, считая семьи". Ему не нравится: "Давайте без семей!" – "25 миллионов". Он тужится **уточнить в сторону снижения**. И все выходит: **миллионы и миллионы**... Беседовал он только с марксистами, преимущественно чиновниками; не с простыми людьми (язык, мол, мешал. Но мало ли простых китайцев, знающих по-английски, а то и по-русски!). Что его, главное, занимало, – сравнить китайский коммунизм с советским, в несколько схоластическом плане. Например: соответствует **культурная революция** сталинщине или военному коммунизму? Простой-то китаец, глядишь, и сказал бы: "Нам что чума, что холера!" Заодно Рейман проявляет злобную и недобросовестную русофобию, заявляя, будто Россия единолично подавляла боксерское восстание! А там были все мировые державы; и мы, к сожалению, тоже...

А. Синявский на сей раз невнятно и вяло, хотя и с ядом, мямлит обвинительную речь против литературы 1-й эмиграции (2-ю он, как и полагается, игнорирует) и против Солженицына.

Рассказик Ф. Горенштейна – набор базарной болтовни.

"Пушкин без конца" А. Кленова – завывания питекантропа, выросшего на советских штампах (классовый подход, ненависть к царизму), без промаха почуявшего, чем подкупить редактора "Синтаксиса"; рычание уже не грядущего, а воцарившегося хама. Особи данного интеллектуального строя, ясно, не в состоянии ни бум-бум уразуметь ни у Пушкина, ни в поэзии вообще. Их снисходительно определил Тютчев:

Не их вина! Пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой...

Попутно кривляющаяся обезьяна льет потоки вонючих мерзостей на Россию в целом. Вы за флагом остались, Андрей Донатович! Куда вам до Кленова! не угонитесь...

"Время и Мы" №67. "Правда о Югославии" М. Михайлова есть, на деле, серия полуправд, граничащих с неправдой. Прав он, заявляя: "Да, в этом трагедия Югославии, да и не только Югославии. Запад не хочет видеть, что в принципе югославский режим ничуть не лучше, чем советский". Однако неверно, будто бы коммунизм устанавливается лишь там, где исторически имелась авторитарная традиция. На Кубе традиции те же, что по всей Латинской Америке; и в Чили коммунисты лишь по счастливому стечению обстоятельств потерпели крах. А в Китае между концом монархии и приходом ко власти коммунистов прошло 20 с гаком лет. Софизм, что в Польше и Чехословакии хотят не царя, а **демократию** (понятия, собственно, друг друга и не исключающие) и что, ergo, так же обстоит и в России. Эти страны веками находились под иностранным господством; их национальные монархии – в далеком прошлом; у нас – не то. О Венгрии же Михайлову бы помолчать: там началось с внутрипартийных ссор у коммунистов, а под конец воля масс выражалась не в Имре Наде, а в кардинале Миндсенти. Размышление же, что будь Керенский не Керенский, а мудрец и герой, звучит вроде: "Если бы у бабушки была бородушка"...

В подлинно умной статье Л. Наврозова "Дураки-американцы против умных русских" безотрадно объяснено и доказано, что советская политика хитрее и ловчее американской и что так оно и должно остаться. С грустью во всем соглашаешься с автором.

Журнал упорно внедряет гнусную сверхсоветскую лексику. Писать **уэльский** вместо **валлийский** значит подменять язык русской интеллигенции и его вековые традиции корявой речью советских образованцев, которых один подсоветский же поэт метко окрестил **дети подкультуры**. Слово **уэльский** допускается только в установившемся сочетании **принц Уэльский**.

"22" №26. Переводам Е. Иоффе из Райнера-Марии Рильке следует дать высокую оценку; в первый раз мы читаем Рильке, переданного по-русски вразумительными и мелодичными строками. К сожалению, остальной художественный материал в номере похвал не заслуживает. Недурной рассказ "Кристина" О. Кустарева испорчен притянутым за уши немотивированным самоубийством героини. От стихов М. Генделева ощущение то, что способности у него есть, да он не научился ими толком пользоваться. А уж Ю. Милославский (о коем см. выше), бесспорно, бездарен вконец. С интересом читается репортаж М. Агурского о действиях израильских войск в Ливане.

"Наша Страна". Есть изречение:

Мудрец отличен от глупца
Лишь тем, что мыслит до конца.

Д. Иноземов, судя по его статье в номере от 1 января с. г. "О ненужной критике", к мудрецам не принадлежит. Он страстно возражает против какой бы то ни было критики по адресу эмигрантской прессы, а в особенности – против поправок делаемых в ней грамматических ошибок; ссылаясь притом на интересы и пользу якобы людей в СССР и эмигрантской молодежи.

Нехитро сообразить, что люди, – о которых также специально печется Иноземов, – читаю-

щие мало, они как раз полагаются на свою газету: как в ней пишется, так и надо писать и говорить. И если мы допускаем в печати ошибки (а бывают ужасные, и в изобилии!), мы их обманываем и жестоко подводим. Скверно и то, если в СССР читатели, более грамотные, чем иные эмигрантские журналисты, пожимают плечами: "На каком языке они там пишут!" (и вряд ли безграмотная по форме статья покажется убедительной по содержанию). Бороться за правильный русский язык зарубежной печати есть, на деле, именно наш патриотический долг; и занятие отнюдь не пустое!

Что же до обсуждения политических направлений и программ, излагаемых в разных органах печати, тем более непонятно, как это можно считать **ненужным**. Вот были совпатриоты; и кабы с ними не спорили, – увлекли бы за собой, пожалуй, если не всю эмиграцию, то немалую ее часть. А сейчас они возрождаются (например, в "Свободном Слове"), появляются неомарксисты, русофобы. Если не сопротивляться, все эти пакости расползутся, – и какой будет прок жителям Советского Союза с трудом и риском добывать себе эмигрантские издания? И какую пользу из них извлечет для себя эмигрантская молодежь, желающая в ней найти правильное мировоззрение?

Иноземов советует "Нашей Стране" отказаться ото всякого комментирования других газет и журналов, замкнуться наглухо в себе и вариться в собственном соку. Хотим надеяться, она не последует сим лукавым или наивным призывам. И думаем, спроси она читателей, те, в массе, к нашему предостережению ей присоединятся.

В "Обзоре", напечатанном в № 27, вкралась следующая опечатка: на стр. 34, второй столбец, 4-я строка снизу, написано "разговор идет по-английски", следует читать: "разговор идет не по-английски".

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Отвечая Д. Штурман, уточняю, что не считаю русофобию сознательной программой редакции журнала "Время и Мы". В одном из прежних обзоров я прямо говорил, что иные из сотрудников его явно не русофобы совсем (называл, в частности, М. Улановскую и Н. Файнгольда). Верю, что журнал предоставляет авторам свободу мысли (хотя не всякие мнения стоит допускать в печать). Но что в нем встречается **много** *русофобских высказываний, есть факт. Не хочу (а мог бы) приводить примеры, чтобы не разжигать страстей.*

С чем в моих оценках Д. Штурман не согласна, она не указывает, потому нельзя и возражать. Я всюду утверждал, что не надо 3-ю волну судить огулом (люди в ней попадаются разные) и что масса новейших без труда нашла бы общий язык с доновейшими, но тому мешают проникнутые левым духом демагоги в ее среде. Других точек зрения я, вроде бы, не выражал.

Затушевывать или скрывать разногласия и противоречия – плохая политика. Лучше их честно обсуждать, стараясь сговориться. Что в данном случае, полагаю, возможно.

В одном готов пойти навстречу Д. Штурман: не разбирать впредь "Время и Мы". Тем более, что ряд читателей мне пишут, что русскоязычные журналы в Израиле не следует причислять к русской зарубежной литературе.

Владимир Рудинский.

От редакции: Д. Штурман вовсе не требует такой меры.

***

Многоуважаемая Вера Александровна!

В №27 Вашего отличного журнала, на стр. 45, напечатана заметка-письмо – "Советский патриарх Пимен в Америке". Писать на эту тему необходимо, полезно, так как мнения о таких визитах могут быть совершенно различные. Серьезное и квалифицированное обсуждение подобного рода проблем весьма желательно.

К сожалению, в указанный материал, опубликованный в "Г. З.", внесен элемент пасквиля, причем пасквиля не особенно грамотного и справедливого. Митрополит Феодосий – глава Православной Церкви в Америке называется в заметке "другом" патриарха Пимена. Для этого имеется ровно столько же оснований, сколько для того, чтобы назвать государственного секретаря США Шульца "другом" Громыко, поскольку он постоянно встречается с ним. На этом же основании можно будет назвать президента США Рейгана "другом" Андропова, если между ними состоится личная встреча и соответствующая беседа. Митрополит Феодосий – американец, и его встреча с патриархом Пименом носит церковно-дипломатический характер в рамках

американских традиций и норм государственного департамента США. Нельзя свои русские представления навязывать людям иной страны и культуры, независимо от того, нравятся они или нет, и позволять себе некорректные выходки.

Вместе с патриархом Пименом приезжал еще и другой архиерей, которого автор заметки именует церковно правильно митрополитом Филаретом Киевским. И здесь же именует митрополита Феодосия "Феодосием автокефальным". В данном случае подобное словосочетание звучит как кличка, как оскорбительный пасквиль, причем пасквиль неграмотный и недопустимый в отношении православного иерарха.

Впрочем, автор заметки, видимо, не понимает значения термина "автокефальный", носящего греческое происхождение. В переводе на русский язык он означает независимый или самостоятельный. **Не** *автокефальных православных церквей вообще практически не существует. Русская Православная Церковь, Греческая, Сирийская, Румынская, Иерусалимская, Сербская, Польская и др. – все автокефальны или, иначе, самостоятельны. В виде исключения можно указать на Западно-Европейский православный экзархат, подчиненный Вселенскому патриарху Дмитрию. Даже Русская Православная Зарубежная церковь, поскольку она называет себя свободной или, иначе, самостоятельной частью Русской Церкви, является по существу автокефальной. Поэтому терминология автора – "Феодосий автокефальный", "автокефальные священники", "автокефальное духовенство" – имеет не больше смысла, чем понятие "овальное колесо" или "квадратный шар", так как она является абсолютно бессмысленной.*

Оставляя все остальные подробности заметки на совести автора, отмечу только одно. Почему-то авторы подобного рода заметок никогда не подписываются своим собственным именем, а трусливо прячутся за анонимами или инициалами. Чего же они боятся? Своей собственной неправды?

Протоиерей Димитрий Константинов.

18 февраля 1983.

США.

* * *

Многоуважаемая Вера Александровна! Желаю Вам всего наилучшего в борьбе за наши безоговорочно антикоммунистические и истинно демократические идеи национальной России!

Примите при сем 100 долларов как лепту на все возрастающие расходы по изданию Вашего прямолинейного журнала.

Надеюсь, что фонд, организовавшись, хоть частично обеспечит Вашу лично и Ваших сотрудников самоотверженную работу по борьбе с "политическим раком" нашего времени – коммунизмом.

М. Савицкий,
Канада.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroschkow
Адрес редакции: V. Piroschkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken - und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает.

Перепечатка разрешается, но с указанием источника.

Druck: "Express", Jerusalem.

ДОРА ШТУРМАН
МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

560 стр. Цена 9 англ. фунтов.

В первой части этой книги, озаглавленной "Победа и крушение Ленина", рассмотрены миропонимание, этика и деятельность Ленина в 1917–1923 г.г. Во второй части, которая называется "Николай Бухарин – любимец партии", исследована альтернатива "Сталин–Бухарин". Третья часть книги называется "Читая Троцкого". На примере Троцкого легче всего выявляются и прослеживаются основные черты классического марксизма. Троцкизм представляет собой сегодня активное направление международной коммунистической мысли и деятельности, успешно используемое Советским Союзом. Поэтому восстановление истинного миропонимания, психологии и поступков Троцкого особенно злободневно. Источниками для написания этой книги послужили преимущественно сочинения, речи и письма Ленина, Бухарина и Троцкого, а также исторические документы, связанные с их деятельностью. В книге использованы многочисленные свидетельства современников описываемых событий. Несмотря на всю документированность книги, изложение носит характер очерково-публицистический, а не строго академический. Сохранен живой колорит событий, уделено существенное внимание психологической подоплеке поступков главных персонажей исторической драмы 1917–1930 годов. События рассматриваемой эпохи соотнесены с современностью.

Во всех русских книжных магазинах и в издательстве
Overseas Publications Interchange Ltd.
8 Queen Ann's Gardens GB London W4 ITU

• • • • •

ЮЗЕФ МАЦКЕВИЧ
ПОБЕДА ПРОВОКАЦИИ

Перевод с польского
Галины и Сергея Крыжицких

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"
Лондон, Канада
1982

• • • • •

ТРИ ЮБИЛЕЯ АНДРЕЯ СЕДЫХ

Альманах с участием выдающихся писателей, поэтов и публицистов

Цена книги с пересылкой 11 долларов

Весь доход поступает в пользу Литфонда.

Чеки высылать по адресу:

LITFOND c/o Novoye Russkoye Slovo
8 Ave New-York, N.Y. 10001, USA